

© 2014 г.

А.А. МАРИНЧЕНКО (Украина)

**“ВНЕСТИ РАЗДОРЫ МЕЖДУ НАРОДАМИ...”:
РАСОВАЯ ПОЛИТИКА НЕМЕЦКИХ ВЛАСТЕЙ
В ОТНОШЕНИИ СОВЕТСКИХ ВОЕННОПЛЕННЫХ,
1941 – начало 1942 года**

27 июля 1929 г. произошло событие, имевшее далеко идущие последствия для судеб военнопленных Второй мировой войны. В этот день делегациями от 47 государств на международной конференции в Женеве была принята конвенция “Об обращении с военнопленными”. Общеизвестно, что СССР ни в ее составлении, ни в ратификации участия не принял. Однако исследователи мало внимания уделяли объяснению причин того, почему советское правительство решило отказаться от подписания конвенции¹. Не оправдывая позицию руководства СССР, мы всё же считаем нужным отметить, что одной из главных причин отказа, как об этом говорилось на официальном уровне, было категорическое несогласие с применением статьи 9-й документа, которая предписывала воюющим сторонам по возможности не размещать в одном лагере людей разных рас и национальностей². Именно в этом положении советская сторона усматривала потенциальную опасность дискриминации пленных по признаку расовой или этнической принадлежности в будущих войнах и конфликтах³. К тому же, по мнению руководства СССР, это противоречило одному из главных принципов коммунистической идеологии – интернационализму. Что касается государств – участников конференции, то они, напротив, выступая за раздельное содержание пленных, стремились избежать конфликтов на национальной почве, которые могли возникнуть в условиях плена и длительного пребывания в лагерях⁴. На деле же это создавало весьма опасный прецедент, поскольку могло быть использовано, вопреки замыслу и логике разработчиков конвенции, в совершенно иных целях.

Уже в ходе войны с Германией наркомат иностранных дел (НКВД) СССР неоднократно заявлял не только об отказе от присоединения к Женевской конвенции, но даже от выступления с декларацией о согласии применять хотя бы основные ее положения о защите военнопленных, как того предлагали западные союзники. Появилось и новое обоснование отказа: злополучная 9-я статья конвенции противоречила статье 123-й

Маринченко Александр Александрович – диссертант кафедры российской истории Днепропетровского национального университета им. О. Гончара.

¹ См. официальные постановления Центрального исполнительного комитета (ЦИК) и Совета народных комиссаров (СНК) СССР: Военнопленные в СССР. 1939–1956. Документы и материалы. М., 2000, с. 25, 64, 923.

² Женевская конвенция 1929 г., раздел III, статья 9-я. – Там же, с. 1014.

³ См. *Парсаданова В.С.* Международные конвенции о военнопленных и интернированных и их применение в годы Второй мировой войны. – Советские военнопленные и движение сопротивления на польских землях в годы Второй мировой войны. М., 1991, с. 86–87.

⁴ См. *Шнеер А.* Плен, т. 1, кн. 2. Иерусалим, 2003, с. 166.

советской конституции⁵. Какими бы в действительности соображениями ни руководствовался НКВД (а они определялись указаниями И.В. Сталина), но именно подобным образом это преподносилось американским дипломатам в ходе переговоров в ноябре – декабре 1941 г.⁶ Многочисленные документы свидетельствуют о том, что советское военно-политическое руководство через различные каналы неоднократно уведомлялось о деятельности оккупационных властей в отношении различных этнических групп военнопленных, в том числе на Украине. И хотя доподлинно неизвестно, сыграл ли именно этот фактор решающую роль в нежелании присоединиться к конвенции 1929 г., всё же его нельзя сбрасывать со счетов. Это важно иметь в виду еще и потому, что верхушка нацистской Германии, отбросив все общепринятые правила и нормы международного права в войне против СССР, искусно использовала некоторые выгодные для себя обстоятельства, чтобы обосновать свое отношение к военнопленным⁷. Более того, события летне-осенней кампании 1941 г. продемонстрировали готовность германского командования всячески разыгрывать национальную карту из прагматических соображений. Изучение документов показывает также, что практика разобщения, а затем и противопоставления друг другу узников различных национальностей в лагерях на оккупированной украинской территории, дала нацистам возможность создать благоприятные условия не только для их деморализации и подавления в зародыше любых форм сопротивления, но также выявления и последующего уничтожения политически и расово “нежелательных элементов”.

Изучение литературы, в которой затрагивается проблема обращения вермахта и соответствующих учреждений Третьего рейха с советскими пленными в годы Второй мировой войны (работы историков СССР, Украины и Российской Федерации, ГДР и ФРГ, а также Великобритании и США), позволяет сделать вывод, что именно национальные аспекты оказались наименее изученными. В историографии продолжает доминировать точка зрения, согласно которой советские пленные представляли собой весьма однородную группу, находившуюся в приблизительно одинаковом, крайне тяжелом положении⁸, кроме ограниченного круга лиц, подлежавших безоговорочному истреблению⁹. Помимо этого, по умолчанию считается, что германское командование

⁵ Статья 123-я советской конституции (принята 5 декабря 1936 г.) запрещала какое бы то ни было прямое или косвенное ограничение прав или, наоборот, установление прямых или косвенных преимуществ граждан в зависимости от их расовой и национальной принадлежности, равно как всякую проповедь расовой или национальной исключительности, или ненависти и пренебрежения. См. Конституция (основной закон) Союза Советских Социалистических Республик. М., 1937, с. 30.

⁶ Запись бесед первого заместителя народного комиссара иностранных дел СССР А.Я. Вышинского с поверенным в делах США в СССР У. Торстоном. См.: Документы внешней политики СССР, т. 24. М., 2000, с. 488–489; Русский архив: Великая Отечественная, т. 24 (13–2). М., 1999, с. 33–34; об официальных заявлениях госдепартамента США о необходимости соблюдения Женевской конвенции см. *Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers, 1941, v. I. Washington (DC), 1958, p. 1020–1024.*

⁷ В качестве одного из главных аргументов использовался также тот факт, что СССР не был участником Женевского соглашения. См.: Материалы совещания в Общем управлении ОКВ от 1 августа 1941 г. – Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ), ф. Р-7021, оп. 148, д. 160, л. 1–3; Распоряжение ОКВ от 8 сентября 1941 г. – Там же, д. 432, л. 11; Приказ о продовольственном снабжении советских военнопленных от 8 октября 1941 г. – “Существовавшие до сих пор правила... отменяются”. – Военно-исторический журнал, 1991, № 11, с. 41–42. Об этом также писал Вильгельм Кейтель в мемуарах – *Кейтель В. Размышления перед казнью.* Смоленск, 2000, с. 287.

⁸ Особенно сильно эта тенденция проявила себя в советской и постсоветской историографии.

⁹ Весьма значительный интерес со стороны немецких историков был проявлен к такой категории пленных, как политработники Красной Армии, в силу того положения, который занимал “Приказ о комиссарах” среди других “преступных приказов”. См., например: *Jacobsen H.-A. Kommissarbefehl und Massenexekutionen sowjetischer Kriegsgefangener.* – *Anatomie des SS-Staates*, Bd. II. München, 1967, S. 137–231; *Krausnick H. Kommissarbefehl und “Gerichtbarkeitserlass Barbarossa” in neuer Sicht.* – *Vierteljahreshefte für Zeitgeschichte* 25, 1977, S. 682–738; *Römer F. Der Kommissarbefehl: Wehrmacht und NS-Verbrechen an der Ostfront 1941/42.* Paderborn, 2008.

воспринимало советских пленных как “русских” или “большевиков”, не делая особых различий между национальностями. Исключения составляют лишь некоторые работы, авторы которых отмечали дифференцированное положение узников¹⁰, часть из них посвящена судьбе пленных евреев¹¹. К недостаточно изученным вопросам можно отнести такие: сегрегация в лагерях военнопленных в соответствии с нацистской расово-этнической иерархией; уничтожение одной группы пленных, нередко при соучастии коллаборационистов в процессе их поиска и опознания; практика отпуска из плена представителей так называемых “дружественных народов”. Малоисследованными остаются и вопросы о деятельности лагерного начальства на низовом административном уровне; способы, с помощью которых пленные пытались вырваться из лагерей; причины сворачивания политики освобождения и проведения массовых арестов, отпущенных пленных зимой – весной 1942 г. Лучшее других исследована тема военного коллаборационизма, участие антисоветских формирований в боевых действиях на стороне вермахта и СС. Однако указанные сюжеты в этих работах освещаются очень фрагментарно¹². Комплексному их рассмотрению и посвящена данная статья, с опорой на более полное использование источников из архивов постсоветских стран, и в частности свидетельств самих пленных, а также секретных донесений и сводок о ситуации в оккупированных областях Украины.

ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ ТРЕТЬЕГО РЕЙХА НА ВОСТОКЕ

Правящая верхушка нацистской Германии прекрасно понимала, что одержать победу над Советским Союзом, опираясь исключительно на военную силу, не используя дополнительные политические методы, будет крайне сложно. Одним из таких методов могла быть игра на национальных противоречиях в советском обществе¹³. Не случай-

¹⁰ См.: *Berkhoff K.* The “Russian” Prisoners of War in Nazi-Ruled Ukraine as Victims of Genocidal Massacre. – *Holocaust and Genocide Studies*, v. 15, 2001, p. 1–32 (показав дифференцированную политику нацистов в отношении советских пленных по этническому признаку, автор в то же время отстаивает идею о том, что германское командование воспринимало их в целом как “русских”). См. также: *Левикін В., Пастушенко Т.* По обидві сторони фронту: проблема військовополонених у роки Другої світової війни. – *Україна в Другій світовій війні: погляд з ХХІ ст.* Історичні нариси, кн. 2. Київ, 2011, с. 340–385; *Lower W.* Nazi Empire-Building and the Holocaust in Ukraine. Chapel Hill, 2005; *Pohl D.* Die Herrschaft der Wehrmacht: Deutsche Militärbesatzung und einheimische Bevölkerung in der Sowjetunion 1941–1944. Frankfurt a/M., 2011. Р. Оверманс сравнивает политику Третьего рейха в отношении советских пленных с аналогичной политикой в отношении представителей других государств – *Overmans R.* Die Kriegsgefangenenpolitik des Deutschen Reiches 1939 bis 1945. – *Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg*, Bd 9/2. München, 2005, S. 729–875.

¹¹ См.: *Датнер Ш.* Преступления немецко-фашистского вермахта в отношении военнопленных во Второй мировой войне. М., 1963; *Краковски Ш.* Судьба евреев-военнопленных. – *Проблемы Холокоста*, вып. 1. Запорожье, 2002, с. 40–50; с. 9–70; *Шнеер А.* Указ. соч., т. 2.

¹² См., например: *Семиряга М.И.* Коллаборационизм: природа, типология и проявления в годы Второй мировой войны. М., 2000; *Боляновский А.В.* Українські військові формування в збройних силах Німеччини (1939–1945). Львів, 2003; *Дробязко С.И.* Под знаменами врага: антисоветские формирования в составе германских вооруженных сил 1941–1945 гг. М., 2004; *Романько О.В.* Мусульманские легионы во Второй мировой войне. М., 2004; *Александров К.* Русские солдаты вермахта: герои или предатели. М., 2005; *Шайкан В.О.* Колабораціонізм на території рейхскомісаріату “Україна” і військової зони в роки Другої світової війни. Кривий Ріг, 2005; *Ковалёв Б.Н.* Коллаборационизм в России в 1941–1945 гг.: типы и формы. Великий Новгород, 2009; *Жуков Д.А., Ковтун И.И.* Русские эсэсовцы. М., 2010; *Дерейко І.І.* Місцеві формування німецької армії та поліції у райхскомісаріаті “Україна” (1941–1944 роки). Київ, 2012; *Hoffmann J.* Die Tragödie der Russischen Befreiungsarmee 1944/45: Wlassow gegen Stalin. München, 2003.

¹³ *Романько О.В.* Немецкая оккупационная политика на территории Крыма и национальный вопрос (1941–1944). Симферополь, 2009, с. 17.

но Й. Геббельс, выступая на совещании 21 июля 1941 г., ссылаясь на высказывание К. Клаузевица, который говорил, что такая страна, как Россия, может быть побеждена только в том случае, если посеять раздор среди ее народов¹⁴. Следует отметить, что подобные воззрения изначально не были доминирующими, а стали утверждаться в ходе подготовки к нападению на СССР и позднее получили самое широкое распространение. Этому способствовали экономические потребности и необходимость задействовать все доступные средства для того, чтобы переломить ситуацию на фронте в свою пользу. К тому же у германского руководства попросту не было единства во взглядах на базовую модель национальной политики в СССР. Однако дальнейшее развите событий привело к появлению различных подходов.

Перед началом Второй мировой войны главенствующее положение в идеологической сфере Третьего рейха занимала расовая концепция, основанная на идеях таких теоретиков, как Ж. А. де Гобино, Г.Ф.К. Гюнтер, Х.С. Чемберлен, Л. Стоддард¹⁵ и др.¹⁶, в той или иной степени оказавших влияние на формирование взглядов А. Гитлера и А. Розенберга¹⁷. Народы Советского Союза, лишь за небольшим исключением (народы Прибалтики), рассматривались нацистами в качестве “расово неполноценных” по сравнению с арийцами, и неспособных к любым формам самоорганизации и управления¹⁸. В первую очередь это касалось восточных славян – украинцев, белорусов, русских, между которыми не проводилось особых различий. Еще более низкое положение в расовой шкале занимали народы азиатского происхождения, зачастую объединявшиеся названием “монголы”. В самом низу расовой иерархии находились советские евреи, считавшиеся нацистами в то же время правящим слоем в СССР (в этой роли заменившими собой уничтоженное в ходе большевистской революции 1917 г. “германское ядро”¹⁹). Подобные представления давали Гитлеру основания характеризовать Советский Союз как государство со “славянско-монгольским телом и еврейской головой”²⁰.

Постепенно у идеолога и теоретика нацистской партии Розенберга стали вызревать идеи по разрешению национальной проблемы на Востоке, сводившиеся к необходимости использовать этнические, культурные и расовые различия советского населения в германских интересах. В соответствии с главной стратегической задачей военной кампании, изложенной Гитлером в его выступлении перед высшим генералитетом вермахта 30 марта 1941 г.²¹, Розенберг, назначенный ответственным за разработку вопросов восточноевропейского пространства, полагал, что главным препятствием на пути к ее реализации являются великороссы как представители наиболее многочисленного,

¹⁴ Семиряга М.И. Указ. соч., с. 373.

¹⁵ Гобино Ж. Опыт о неравенстве человеческих рас. М., 2001; Гюнтер Г. Избранные работы по расологии. М., 2005; Chamberlain H. The Foundations of the Nineteenth Century. London, 1910; Stoddard L. The Revolt against Civilization: The Menace of the Under Man. New York, 1922.

¹⁶ Об эволюции идей немецкого национализма и расизма см.: Пленков О.Ю. Мифы нации против мифов демократии: Немецкая политическая традиция и нацизм. СПб., 1997, с. 299–326; Васильченко А.В. Арийский миф III Рейха. М., 2008, с. 7–69.

¹⁷ О влиянии идей Стоддарда на Розенберга см. Losurdo D. Kampf um die Geschichte: Der historische Revisionismus und seine Mythen – Nolte, Furet und die anderen. Köln, 2007.

¹⁸ В основе политических идей национал-социализма лежал чистый социал-дарвинизм, в котором борьба за выживание является базовым элементом человеческой жизни, борьба, в результате которой всегда побеждает сильнейший. Идея борьбы за выживание поддерживалась верой в природное превосходство арийской расы, призванной господствовать и доминировать над другими расами. Подробнее см. Зонтгаймер К. Як нацизм прийшов до влади. Київ, 2009, с. 126–135.

¹⁹ Hitler A. Mein Kampf. Zwei Bände in einem Band Ungekürzte Ausgabe. Leipzig, 1943, S. 742–743.

²⁰ См.: Alexiev A. Soviet Nationalities in German Wartime Strategy, 1941–1945. Santa-Monica, 1982, p. 4–5.

²¹ В ходе этого выступления Гитлер заявил: “Наши задачи в отношении России: разгромить ее вооруженные силы, разрушить ее государство”. См.: 1941 год, кн. 1. М., 1998, с. 806–807.

государствообразующего народа. Поэтому в целях нейтрализации их влияния было предложено использовать нерусские национальности для создания буферной зоны из зависимых от Германии государственных образований вокруг этнических русских земель (“Московия”) с последующей их изоляцией от Запада и максимальном ослаблении при частичном вытеснении коренного населения в Сибирь. В долгосрочной перспективе целью этой политики было создание таких условий, при которых “Московия” не смогла бы в будущем представлять собой сильного геополитического соперника для Германии, что нашло свое выражение поначалу в проекте создания семи новых регионов, а затем – четырех рейхскомиссариатов (впоследствии предполагалось создание пятого)²². Новое административное деление, дробление советской территории и обособление отдельных ее частей служили также цели раскола населения СССР и всяческому провоцированию этнической вражды. Планировалось полностью отстранить от государственного управления любого уровня кого бы то ни было из числа русских, даже наиболее антисоветски настроенных эмигрантов²³. В свою очередь это требовало выработки принципиально нового политического курса в отношениях с представителями многочисленных национальных меньшинств²⁴.

Планы Розенберга в экономической сфере поддерживал статс-секретарь Имперского министерства продовольствия и сельского хозяйства Г.Э. Бакке, который в 1941 г. стал уполномоченным штаба экономического руководства “Восток”²⁵, созданного для организации изъятия продовольствия и сырья в оккупированных районах СССР. По его мнению, к украинцам, населению прибалтийских республик и Кавказа следовало относиться лучше, чем к русским, всячески поддерживая экономический потенциал этих районов²⁶. Отчасти эти идеи нашли свое выражение в изданной им секретной инструкции о поведении должностных лиц по линии его ведомства под названием “12 заповедей поведения немцев на Востоке и их обращения с русскими” и ряде других документов²⁷.

И хотя в этот период Розенберг имел немалое влияние на Гитлера, его суждения по национальному вопросу не выражали мнения большинства официальных лиц и экспертов. Широкое распространение имели и альтернативные точки зрения, которые в свою очередь также отличались от ортодоксальных расовых догм. Выступая перед узким кругом соратников 20 июня 1941 г., Розенберг сказал: “В политической сфере, несомненно, сталкиваются две концепции Востока: традиционная и другая, которую мы, по моему мнению, должны принять. Решение – утвердительное или отрицательное – в отношении этой концепции определяет ход событий на ближайшие столетия. Представители одной точки зрения полагают, что Германия должна вступить в последний бой с большевизмом, в бой военный и политический, после этого наступит эпоха организации всего русского хозяйства и союз с возрожденной национальной Россией... Это обычное воззрение многих кругов до сих пор. Я являюсь открытым против-

²² Косик В. Україна і Німеччина у Другій світовій війні. Париж – Нью-Йорк – Львів, 1993, с. 89–95; Fall Barbarossa: Dokumente zur Vorbereitung der faschistischen Wehrmacht auf die Aggression gegen die Sowjetunion (1940/41). Ausgewählt und eingeleitet. Berlin, 1970, S. 293–298; Kempner R. “Rosenberg, jetzt ist Ihre große Stunde gekommen”. Aufzeichnungen über Eroberungspläne Hitlers. – Frankfurter Rundschau 140, 1971, S. 3; Alexiev A. Op. cit., p. 6; Germany and the Second World War, v. 4. Oxford, 1998, p. 488.

²³ Amort Č. Drang nach Osten: Pangermánské plány na vyhubení slovanských národů. Praha, 1971, S. 197–198.

²⁴ Д. Айххольц так охарактеризовал позицию Розенберга по национальному вопросу: дифференцированный и “научный” подход к народам, населявшим Советский Союз, стремление противопоставить их друг другу: Айххольц Д. Цели Германии в войне против СССР. – План “Ост”: как правильно поделить Россию. М., 2011, с. 176.

²⁵ Первоначально фигурировал в документах как «штаб “Ольденбург”».

²⁶ Inyitzkyj R. Deutschland und die Ukraine, 1934–1945: Tatsachen europäischer Ostpolitik, ein Vorbericht, Bd. 1–2; Bd. 2, München, 1958; Bd. 2. S. 52.

²⁷ См. положения 6, 8–12 этого документа: ГАРФ, ф. Р-7021, оп. 148, д. 12, л. 5–9.

ником этой идеологии уже 20 лет”²⁸. По мнению Розенберга, практическая реализация замыслов его оппонентов могла привести к ликвидации коммунистической угрозы, но не решению всего комплекса проблем на Востоке, что со временем послужило бы причиной новой борьбы за гегемонию в Европе. Данное высказывание, несомненно, говорит о весьма серьезных разногласиях в высшем руководстве Германии уже на этапе подготовки к нападению на СССР. И действительно, против первоначальных планов Розенберга высказались ближайшие соратники Гитлера – Г. Гиммлер, М. Борман, В. Кейтель, И. Риббентроп, Э. Кох. К ним примыкал Г. Геринг, который хотя и приходился непосредственным начальником Бакке, категорически возражал против его соображений об экономической поддержке нерусских народов в какой бы то ни было форме. В целом же противники Розенберга критиковали его за то, что предложенная им стратегия отнюдь не была направлена на завоевание обширного геополитического пространства на Востоке, столь необходимого германской нации, а вела, наоборот, к его дроблению и в конечном итоге – потере контроля над ним. Они допускали лишь возможность административно-территориального деления территории СССР на полностью подчиненные рейху единицы для осуществления прямого управления и эксплуатации как единого экономического объекта²⁹.

После начала войны постепенно складывается и так называемая школа “реалистов”, для которой первоочередной целью Восточного похода являлось уничтожение большевистской системы. В соответствии с ролью, которая отводилась национальному фактору в ее достижении, можно выделить два направления среди “реалистов”. Первое из них было представлено группой лиц так называемой “прорусской ориентации”, не веривших в силу и способность сепаратистских движений справиться с задачей уничтожения сталинского режима и поэтому выступавших за поддержку русского населения (работники различных спецслужб, военной пропаганды и дипломаты, например В. фон дер Шуленбург и К. фон Штауффенберг)³⁰. Второе, преследуя аналогичные цели, делало ставку на нерусские национальности, поскольку считалось, что их легче всего привлечь на свою сторону лозунгами антисоветского характера. В конечном итоге признание национального суверенитета этих народов и обращение с ними как с союзниками служило, по мнению этой группы, надежным заслоном против большевизма и русского экспансионизма (ее сторонниками являлись в основном эксперты по национальным движениям, а также бывшие дипломаты – Г. фон Менде, О. Бротигам, Г. Кох, Т. Оберлендер и др.). Однако влияние последних на начальном этапе войны было довольно слабым³¹.

Не так просто ответить на вопрос, какую же позицию в этой дискуссии занимал сам Гитлер, тем более что его воззрения также не были статичными, претерпевая постоянные изменения под влиянием людей из его ближайшего окружения. Следует также учитывать и то обстоятельство, что с момента первого издания “Моей борьбы”, в которой лишь в общих чертах излагались долгосрочные целевые установки, и до начала разработки плана войны против СССР, Гитлер в своих заявлениях относительно “нового порядка” на Востоке прибегал лишь к общим формулам. И только начиная с

²⁸ “...Уничтожить Россию весной 1941 г.” (А. Гитлер, 31 июля 1940 года): Документы спецслужб СССР и Германии. 1937–1945 гг. М., 2008, с. 82–83.

²⁹ *Мадайчик Ч.* Военные цели Третьего рейха на Востоке. – Германская экспансия в Центральной и Восточной Европе. М., 1965, с. 269, 273. Многих из вышеуказанных лиц сам Розенберг называл самыми последовательными сторонниками гитлеровской версии восточной политики. См. *Розенберг А.* Мемуары. Харьков, 2005, с. 356–358.

³⁰ В отношении роли нацменьшинств Штауффенберг считал, что “все заигрывания с ними могли только помешать союзу с русским народом”. Цит. по: *Dallin A.* German Rule in Russia 1941–1945: A Study of Occupation Policies. London, 1957, p. 502–503.

³¹ См. *Alexiev A.* Op. cit., p. 7–8. По мнению Н. Мюллера, между Розенбергом и Кохом, а также другими “восточными экспертами” существовало “полное единство взглядов” по главным вопросам. См. *Мюллер Н.* Вермахт и оккупация. М., 2010, с. 57–58.

июля 1940 г. его воззрения стали постепенно приобретать ясные очертания³². Один из первых исследователей нацистской оккупационной политики на территории СССР А. Даллин отметил, что фюрер довольно слабо разбирался в деталях национальных концепций его окружения. Следовательно, не представляется возможным ответить на вопрос, поддерживал ли он какую-либо из них³³. С этим мнением можно было бы согласиться, если бы не высказывания самого фюрера и весьма ясная позиция, занятая им в вопросе о военном коллаборационизме. Сама по себе идея широкого использования антисоветских элементов из числа националистов в боевых действиях на стороне Германии казалась Гитлеру совершенно неприемлемой. На совещании 16 июля 1941 г. он недвусмысленно заявил: “Только немец вправе носить оружие, а не славянин, не чех, не казак и не украинец”³⁴. Гитлер особо подчеркивал именно этот аспект проблемы, обращая внимание присутствующих на английские колониальные методы правления в Индии. В последующие месяцы его мнение по данному вопросу не изменилось. Так, 11 апреля 1942 г. во время пребывания в “Волчьем логове” эта мысль была повторена им еще раз: “Но самое глупое, что можно сделать на оккупированных территориях, – это выдать покоренным народам оружие. История учит нас, что народу-господину всегда была суждена гибель после того, как он разрешал покоренным им народам носить оружие... Поэтому необходимо, чтобы спокойствие и порядок на всем оккупированном русском пространстве обеспечивали только наши собственные войска”³⁵.

Приведенные цитаты можно интерпретировать двояко: и как желание Гитлера очертить рамки дозволенного в действиях Розенберга и военных (к примеру, на совещании 16 июля 1941 г. присутствовал также фельдмаршал Кейтель), и как принципиальное нежелание “развивать известные стремления к самостоятельности” на Украине³⁶. Однако не следует торопиться с выводами. Скорее всего, правильное было бы говорить о стремлении достичь определенного компромисса между сложившимися в высшем военно-политическом руководстве группировками. Создание министерства оккупированных восточных территорий и введение гражданского управления в оккупированных районах СССР указом Гитлера от 17 июля 1941 г. на основе принципов, предложенных Розенбергом, говорит о том, что идеи последнего не были полностью отвергнуты³⁷. Более того, его точка зрения в основных чертах совпадала с точкой зрения Гитлера: советские земли рассматривались в качестве “жизненного пространства” германской нации, а в качестве главной цели Восточного похода – уничтожение СССР, используя при этом противоречия в стане противника для ее достижения. Хотя имелись и отличия, но они скорее касались статуса, будущего политического устройства, а также системы управления восточными территориями после победы Германии в войне. Поскольку Гитлер выступал за создание мощной “великогерманской империи”, чьи границы простирались бы как можно дальше на Восток, вплоть до Урала, то европейская часть СССР должна была подвергнуться тотальной колонизации, а значительные территории полностью поглощены рейхом³⁸. Но это отнюдь не означало отказа от использования национального вопроса в прагматических целях. В связи с этим уместно упомянуть еще одно высказывание Гитлера: “Наша политика относительно народов,

³² Эволюция взглядов Гитлера на национальный вопрос рассмотрена в книге: *Романько О.В.* Крым под пятой Гитлера: немецкая оккупационная политика в Крыму (1941–1944). М., 2011, с. 9–18.

³³ *Dallin A.* Op. cit., p. 50.

³⁴ Из протокольной записи совещания Гитлера с руководителями рейха о целях войны против СССР, сделанной М. Борманом. – ГАРФ, ф. Р-7021, оп. 148, д. 226, л. 2; Центральный державний архів громадських об'єднань України (далее – ЦДАГОУ), ф. 1, оп. 23, спр. 3108, арк. 12.

³⁵ План “Ост”: Как правильно поделить Россию, с. 21.

³⁶ ГАРФ, ф. Р-7021, оп. 148, д. 226, л. 3; ЦДАГОУ, ф. 1, оп. 23, спр. 3108, арк. 13.

³⁷ ГАРФ, ф. Р-7021, оп. 148, д. 183, л. 45–46.

³⁸ *Illytckij R.* Op. cit. Bd. 1. S. 3–14.

населяющих широкие просторы России, должна заключаться в том, чтобы поощрять любую форму разногласий и раскола”³⁹. По нашему мнению, это говорит в пользу версии о том, что в отношении национальной политики существовала определенная близость его взглядов и взглядов Розенберга. Некоторые идеи, положенные в основу планов Розенберга, также пользовались поддержкой Гитлера, если не в целом, то в ряде отдельных вопросов. И если различные группировки в высшем руководстве расходились во взглядах на будущее оккупированных территорий и в своем отношении к советскому населению, то явно сходились во мнении о необходимости всячески разжигать в его среде национальные распри. “Зеленая папка” Геринга, принадлежавшего к числу наиболее последовательных сторонников гитлеровской политики, не стала исключением. В этом документе имелся специальный раздел “Отношение к населению по территориальным признакам”, в котором, помимо всего прочего, настоятельно рекомендовалось использовать в интересах Германии “возможное наличие противоречий между украинцами и великороссами”⁴⁰.

Возникает закономерный вопрос, почему для понимания проблемы обращения с военнопленными так важно учитывать взгляды людей и позиции ведомств, казалось бы, не имевших к ней прямого отношения? И в какой степени все эти концепции и дискуссии отразились на принятии важнейших стратегических решений командованием вермахта? Думается, эти процессы надо рассматривать в их взаимосвязи, поскольку они имели самое прямое отношение к проблеме плена⁴¹.

Как показывает анализ немецких документов, роль министерства оккупированных восточных территорий в выработке курса национальной политики в отношении пленных была куда более значительной, чем это принято считать. Вермахт также не остался в стороне от этих процессов, учитывая в военном планировании национальный фактор. Еще на стадии разработки предварительного плана войны на Востоке Ф. Паулюс называл межнациональные трения в СССР и в Красной Армии в качестве важного благоприятствующего элемента, который должен был компенсировать меньшую численность немецких войск⁴². Привлечение советских народов (как русского, так и других) к вооруженной борьбе на стороне вермахта полностью исключалось. И здесь явно видно, что германское командование шло в фарватере гитлеровского курса. Но аргументация была несколько иной: в будущей молниеносной и победоносной кампании подобные меры представлялись совершенно излишними, и не случайно. Еще в декабре 1940 г. по результатам оперативно-стратегических игр в соответствии с планом “Барбаросса” штабы Верховного командования вермахта (ОКВ) и Главного командования сухопутных сил (ОКХ) пришли к выводу, что для разгрома Красной Армии потребуются не более 8–10 недель⁴³. Такая самоуверенность не в последнюю очередь определялась убежденностью в расовом превосходстве рейха над советским государством под властью “еврейско-большевистских” правителей. С точки зрения расовой теории это означало лишь одно – неэффективное руководство в стране, населенной к тому же недовольными национальными меньшинствами, не способными на серьезный отпор “высшей расе”, что, в свою очередь, позволяло надеяться на быструю и легкую победу с минимальными потерями⁴⁴. После успеха балканской кампании

³⁹ “Совершенно секретно! Только для командования!”: Стратегия фашистской Германии в войне против СССР. Документы и материалы. М., 1967, с. 118.

⁴⁰ Загорулько М.М., Юденков А.Ф. Крах плана “Ольденбург”: (о срыве экономических планов фашистской Германии на временно оккупированной территории СССР). М., 1980, с. 128.

⁴¹ Дж. Мигарги выделяет “военный” и “геноцидный” аспекты войны, считая, что их надо рассматривать во взаимосвязи – Megargee G. War of Annihilation: Combat and Genocide on the Eastern Front, 1941. Lanham, 2006, p. 13.

⁴² Уткин А.И. Русские во Второй мировой войне. М., 2007, с. 121.

⁴³ См.: Анфилов В.А. Крушение похода Гитлера на Москву, 1941. М., 1989, с. 21; Дейтон Л. Вторая мировая: ошибки, промахи, потери. М., 2000, с. 491; Blau G. The German Campaign in Russia: Planning and Operations (1940–1942). Washington (DC), 1955, p. 20.

⁴⁴ Megargee G. Op. cit., p. 24. Аналогичные идеи высказаны в книге Р. Эванса. См. Эванс Р. Третий рейх: Дни войны. 1939–1945. Екатеринбург – М., 2011, с. 180–181.

политические суждения Гитлера, ожидавшего народного восстания против Сталина в случае серьезных неудач Красной Армии, нашли широкую поддержку даже среди тех, кто раньше не разделял их⁴⁵. Командующий 1-й танковой группой Э. фон Клейст после войны вообще заявил, что все надежды на победу зиждились в основном на убеждении, что вторжение приведет к росту недовольства населения и политическому взрыву в СССР, а “Сталин, если последуют тяжелые поражения, будет свергнут своим собственным народом”⁴⁶.

Несмотря на упомянутые соображения, командование вермахта не полагалось на волю случая. Накануне вторжения в войска поступили особые указания, имевшие целью объяснить сущность будущей кампании и конкретизировать образ противника. В этом отношении весьма примечательны указания о поведении войск в операции “Барбаросса”⁴⁷. Этот документ стал одним из немногих, увидевших свет до 22 июня 1941 г., в котором немецким солдатам разъяснялось, что в СССР им будет противостоять не единый народ, а множество славянских, кавказских, азиатских народов, и многочисленное еврейское население. Единство же этого государственного формирования поддерживается исключительно с помощью силы стоящих у власти большевиков. В этой борьбе от войск требовались беспощадные и решительные действия против евреев, названных в одном ряду с подстрекателями, партизанами и саботажниками. Военнослужащие Красной Армии родом из Азии объявлялись “темными, непредсказуемыми, коварными и бездушными”, поэтому в их отношении следовало проявлять крайнюю осторожность и предельную бдительность⁴⁸. Хотя этот документ нельзя однозначно рассматривать как приказ об уничтожении евреев и “азиатов”, однако уже тот факт, что он исходил от высшего командования, говорит сам за себя и может рассматриваться как подстрекательство военнослужащих к насилиям и убийствам. Менее чем через месяц, 16 июня 1941 г., Отдел по делам военнопленных при Общем управлении ОКВ (начальник Г. Райнеке), своим приказом санкционировал разделение советских пленных по национальному признаку в лагерях, входивших в зону ответственности ОКВ. Составители документа обращали особое внимание комендантов лагерей на отдельные этнические группы, для которых предусматривалось более гуманное обращение и лучшие условия содержания. Среди них назывались: немцы, поляки, румыны, финны, литовцы, латыши, эстонцы, украинцы и белорусы. Предписывалось также подбирать среди военнопленных таких, с которыми можно сотрудничать. Таким образом, пленные одних национальностей наделялись несколько более привилегированным статусом, другие же подвергались различным формам национальной или расовой дискриминации, с целью раскола и натравливания их всех друг на друга⁴⁹.

НАЦИСТСКАЯ ПРОПАГАНДА НА ВОСТОЧНОМ ФРОНТЕ

Успешное проведение национальной политики должно было обеспечиваться специальными мероприятиями в сфере пропаганды, общее руководство которыми осуществляло ведомство Геббельса. 5 июня 1941 г. им впервые были обозначены идеологические основы пропаганды на Востоке, выраженные в коротком, но весьма емком тезисе, ставшем уже в начале войны главенствующим в борьбе за овладение умами

⁴⁵ Хиггинс Т. Гитлер и стратегия блицкрига: Третий рейх в войне на два фронта. 1937–1943. М., 2009, с. 116.

⁴⁶ Уткин А.И. Указ соч., с. 199.

⁴⁷ 3-е приложение особого распоряжения к директиве № 21 (план “Барбаросса”), составленных 19 мая 1941 г.

⁴⁸ “Unternehmen Barbarossa”: Der deutsche Überfall auf die Sowjetunion 1941. Berichte, Analysen, Dokumente. Paderborn, 1984, S. 312.

⁴⁹ Приказ Отдела по делам военнопленных при ОКВ “Военнопленные в операции Барбаросса” № 3712/41. – National Archives and Records Administration (далее – NARA), RG 238, NOKW 549. См. также: Streit C. Keine Kameraden: Die Wehrmacht und die sowjetischen Kriegsgefangenen 1941–1945. Bonn, 1997, S. 72–76.

вражеских солдат: “против Сталина и стоящих за ним евреев”⁵⁰. Однако ведущая роль в пропаганде, обращенной на Красную Армию, принадлежала не ему, а Отделу пропаганды при штабе ОКВ, которому в свою очередь подчинялись специальные роты для ведения так называемой “активной пропаганды” на фронте. Пропагандистский аппарат вермахта изначально был ориентирован на морально-психологическое разложение войск противника “изнутри”, не в последнюю очередь с помощью всяческих спекуляций на национальном вопросе. Первые листовки, массово распространявшиеся на фронте, были сделаны в духе указаний начальника пропаганды Х. фон Ведела который, в свою очередь, руководствовался наставлениями Геббельса: “Противниками Германии являются не народы Советского Союза, а исключительно еврейско-большевистское советское правительство со своими чиновниками и коммунистическая партия, работающие на мировую революцию”⁵¹.

В то же время нацистское руководство не пренебрегало маскировкой своих истинных намерений. Так, начальник Главного управления имперской безопасности (РСХА) Р. Гейдрих, кроме того, что предложил класть в основу своей политики на Востоке различия между отдельными народностями, используя их “для достижения цели”, дал также специальные наставления по ведению пропаганды высшим руководителям СС и полиции⁵². Он особо подчеркивал, что к советским войскам надлежит обращаться только по-русски, а к гражданскому населению – на его собственном языке. Говорить не о русской армии, а только о Красной Армии, о русских (не великороссах), об украинцах (не малороссах), белорусинах (не белорусах), о Советском Союзе, а не просто России. Категорически запрещалось говорить о том, что “социализм в Советском Союзе должен быть уничтожен”, в то же время особо подчеркивалось, что “национальный вопрос должен ставиться с крайней сдержанностью”⁵³. Это сближало его с позицией Гитлера.

В течение первых двух недель войны с помощью артиллерии 22 млн экземпляров девяти листовок, отпечатанных в Берлине, были разбросаны над позициями Красной Армии. В конце июля из Берлина на Восточный фронт ежедневно доставлялось 3 т листовок, к распространению которых стала также привлекаться авиация⁵⁴. Уже в самой первой немецкой листовке, сброшенной на позиции советских войск 22 июня 1941 г.⁵⁵, “жидовско-коммунистическое правительство, возглавляемое Джугашвили-Сталиным”, обвинялось в нарушении пакта о ненападении с Германией, в результате чего, как провозглашалось, “дело дошло до войны!”⁵⁶ На этом примере можно видеть, как происходило соединение двух основополагающих мифологем нацистской пропаганды на Восточном фронте: превентивность германского нападения на СССР и агрессивная антигерманская политика Сталина и его еврейского окружения, которое якобы это нападение спровоцировало. В огромном количестве разбрасывались и так называемые листовки-пропуска для добровольной сдачи в плен немецкой армии, выдержанные в погромном духе и явно нацеленные на дискредитацию политработников в глазах советских солдат. Упор делался на разжигание в красноармейской среде самого примитивного антисемитизма, поскольку в них политработники отождествлялись с евреями, при помощи грубой силы заставлявшие солдат сражаться до последнего

⁵⁰ Откровения и признания: Нацистская верхушка о войне “третьего рейха” против СССР. Секретные речи. Дневники. Воспоминания. М., 1996, с. 275.

⁵¹ Указания о применении пропаганды по варианту “Барбаросса”, подписанные А. Йодлем (начало июня 1941 г.). – ГАРФ, ф. Р-7021, оп. 148, д. 208, л. 21.

⁵² Приказ от 2 июля 1941 г., предназначенный высшим руководителям СС и полиции. – Российский государственный военный архив (далее – РГВА), ф. 500, оп. 5, д. 3, л. 30.

⁵³ Там же, л. 36–37.

⁵⁴ Идеологическая борьба на советско-германском фронте в годы Великой Отечественной войны: Каталог выставки Мемориального музея немецких антифашистов. Красногорск – М., 2010, с. 14.

⁵⁵ Сталин: июнь 1941 – май 1945. Документы и фотографии. М., 2010, с. 24.

⁵⁶ Общий тираж листовки составил 6 млн экземпляров.

патрона⁵⁷. Не случайно главными лозунгами нацистской печатной продукции стали: “Бей жида-политрука, рожа просит кирпича!”⁵⁸ и “Убей жида-комиссара!”. Вплоть до апреля 1942 г. эти фразы являлись устным паролем для добровольной сдачи в плен, а после их заменили на более короткий и нейтральный призыв: “Штыки в землю!”⁵⁹. Позднее акцент стал делаться на особой жертвенности русских и бесперспективности дальнейшего сопротивления, однако антисемитский мотив по-прежнему оставался неизменным. Наглядной иллюстрацией такого подхода стали листовки и плакаты с изображением черепа в красноармейской буденовке с надписью под ней: “Сталин вместе со своими жидями-политруками бессмысленно жертвует миллионы бойцов – сынов русского народа”⁶⁰.

Кроме листовок, обращенных просто “к бойцам и командирам РККА”, использовались пропагандистские материалы адресного предназначения – к представителям отдельных народов СССР. Один из очевидцев отступления 9-й и 18-й армий Южного фронта в августе 1941 г. на территории Украины Евдоким Мальцев вспоминал, что войска буквально заваливались листовками, в которых утверждалось, что всех, кто перейдет к немцам, отпустят домой. Чтобы посеять рознь между советскими солдатами, гитлеровцы сбрасывали листовки для украинцев, представителей среднеазиатских и кавказских национальностей, в которых подстрекали их против русских, призывали не слушаться командиров, убивать комиссаров. По его словам, в этих условиях самой сложной задачей для советского командования стало “разоблачение вражеской пропаганды”⁶¹. В группе армий “Юг” значительное распространение получили листовки, обращенные непосредственно к военнослужащим-украинцам, в которых обыгрывалась тема национальной исключительности и преимуществ одной этнической группы над другой: “Мы воюем против жидов и коммунистов. Украинцы, сдавайтесь в плен, не оставляйте своих жен вдовами и детей сиротами. В плену вам будет хорошо, мы будем вас кормить, а потом отпустим домой”⁶².

Масштабы и интенсивность нацистской пропаганды можно проиллюстрировать на таком примере. Если к 22 июня 1941 г. около 50 млн листовок уже было разослано по ротам пропаганды для последующего распространения в войсках противника, то уже в течение следующих двух месяцев войны было распространено более 200 млн. К концу октября 1941 г. количество листовок, сброшенных на советские позиции, составило порядка 350 млн экземпляров, что позволяет говорить о необычайно высокой интенсивности политико-идеологического воздействия на Красную Армию⁶³.

Большинство листовок, распространявшихся на Восточном фронте в 1941 – начале 1942 гг., соответствовало основным требованиям к их составлению: чем проще, яснее, грубее и примитивнее их содержание, тем выше эффективность. Их главной задачей было внушение определенной мысли (идеи), никакие туманные намеки или

⁵⁷ Образ “злобного еврейского комиссара” появился в нацистской пропаганде в середине 1930-х годов. См. *Windows on the War: Soviet TASS Posters at Home and Abroad, 1941–1945*. Chicago, 2011, p. 150–151.

⁵⁸ Эта листовка стала одной из самых массовых на Восточном фронте за все время войны. Ее совокупный тираж составил почти 160 млн экземпляров.

⁵⁹ *Окорочков А.В.* Особый фронт: немецкая пропаганда на Восточном фронте в годы Второй мировой войны. М., 2007, с. 30–32; Пропуск в рай: сверхоружие последней мировой. М., 2007, с. 33, 46, 48–49, 61, 78. См. также коллекцию листовок, распространявшихся на Восточном фронте в 1941–1942 гг. из трофейной коллекции Чрезвычайной государственной комиссии (ЧГК). – ГАРФ, ф. Р-7021, оп. 148, д. 274, 275, 276, 405, 408.

⁶⁰ Пропуск в рай, с. 63; Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ), ф. 69, оп. 1, д. 1182, л. 16.

⁶¹ *Мальцев Е.Е.* В годы испытаний. М., 1979, с. 77.

⁶² ЦДАГОУ, ф. 1, оп. 22, спр. 355, арк. 144.

⁶³ Идеологическая борьба на советско-германском фронте в годы Великой Отечественной войны, с. 14; *Окорочков А.В.* Указ соч., с. 10; Откровения и признания, с. 290; Сталин: июнь 1941 – май 1945, с. 33.

недомолвки не допускались. Но самую важную роль играло многократное повторение удачного пропагандистского тезиса в разных вариациях, что существенно повышало эффективность воздействия⁶⁴. Идея “освободительной” войны вермахта в СССР с целью свержения власти евреев и коммунистов как раз и стала таким тезисом. События 1941 г. также показали, что в ряде случаев усилия немецких пропагандистов достигли своей цели и привели некоторых красноармейцев в ряды коллаборационистов, а затем селали соучастниками в преступлениях против своих сослуживцев-евреев.

СЕГРЕГАЦИЯ ВОЕННОПЛЕННЫХ В ЛАГЕРЯХ

Основная масса пленных сразу же после поступления в лагерь разделялась по национальному признаку. В развитие приказа ОКВ аналогичный приказ о сегрегации всех узников на пять групп в зоне своей юрисдикции издало также ОКХ 24 июля 1941 г.⁶⁵ На практике этот процесс протекал не везде одинаково, однако чаще всего производились и повсеместный поиск и изоляция евреев, и отделение украинцев от русских, чтобы еще более усилить уже существовавшую напряженность в отношениях между двумя народами, подняв их до уровня открытой конфронтации. Иногда в лагерях в самостоятельную группу также выделялись пленные “азиаты”, подвергавшиеся на первых порах ярко выраженной дискриминации по расовому признаку.

Зачастую деление военнопленных производилось уже на этапе прохождения через транзитные лагеря. Так, в августе 1941 г. в Уманском дулаге № 182 происходила разбивка командного состава на украинцев и русских, после чего формировались роты по национальному принципу⁶⁶. Подобная картина наблюдалась также в дулаге № 160 в г. Хорол, где все советские пленные были рассортированы по четырем этнорасовым группам: русские, украинцы, “монголы” (“азиаты”), и евреи, одежда которых помечалась шестиконечными звездами⁶⁷. Здесь же содержалась и группа девушек-военнопленных. К началу весны 1942 г. из них в живых осталось только семь-восемь, но и те были расстреляны за то, что укрывали еврейку⁶⁸.

В Константиновском лагере (Сталинская область) начиная с октября 1941 г. содержалось примерно 5 тыс. чел. С самого начала все пленные были разбиты на группы по 100 человек каждая во главе со старшиной из числа узников лагеря. 30 января 1942 г. в лагерь прибыл немецкий офицер и потребовал произвести разбивку военнопленных на две большие группы по национальному признаку – украинцев и русских. После этого их под конвоем гнали к передовой линии для подноски боеприпасов немецким войскам⁶⁹. Во многих лагерях наоборот, украинцев вообще не посылали на принудительные работы, тогда как всех остальных, и особенно русских, использовали на всевозможных работах⁷⁰. Все зависело от воли армейских администраторов и персонала лагерей, которые действовали по своему усмотрению в различных ситуациях.

Самый крупный лагерь для комсостава Красной Армии на территории СССР находился в г. Владимир-Волинск (офлаг 11а)⁷¹. В начале октября 1941 г. туда было согнано

⁶⁴ Крысько В.Г. Секреты психологической войны (цели, задачи, методы, формы, опыт). Минск, 1999, с. 210, 262–263, 356–357.

⁶⁵ Первые две группы охватывали советских пленных различных национальностей. См. Приказ ОКХ об использовании трудоспособных военнопленных на работах в прифронтовой полосе. – NARA, RG 242, T 315, R 2215, 000651-652.

⁶⁶ Протокол допроса бывшего военнопленного А.З. Несвежинского от 9–12 ноября 1943 г. – ЦДАГОУ, ф. 1, оп. 23, спр. 683, арк. 122.

⁶⁷ Jacobsen H.-A. Op. cit., S. 229–230.

⁶⁸ Першина Т.С. Фашистский геноцид на Украине, 1941–1944. Киев, 1985, с. 139.

⁶⁹ Докладная записка в политотдел 12-й армии Южного фронта. – ЦДАГОУ, ф. 62, оп. 9, спр. 7, арк. 161–162.

⁷⁰ Агентурная сводка № 4 разведывательного отдела штаба Юго-Западного фронта на 15 ноября 1941 г. – ЦДАГОУ, ф. 1, оп. 22, спр. 873, арк. 109.

⁷¹ Довідник про табори, тюрми та гетто на окупованій території України (1941–1944). Київ, 2000, с. 208.

до 8 тыс. чел. Весь наличный состав был разбит на четыре полка по принципу национальной принадлежности: 1-й полк – украинский, 2-й и 3-й – русские полки, 4-й – “интернациональный”, состоявший из так называемых “нацменов” (выходцы из Средней Азии и Закавказья). Немецкая комендатура располагалась за пределами лагеря, а внутри него находился “штаб” по управлению военнопленными, который возглавляли бывшие командиры Красной Армии, перешедшие на сторону вермахта. Кроме этого, в лагере было еще два блока, в одном из которых содержалась группа генералов, в том числе бывшие командующие 6-й и 12-й армий И.Н. Музыченко и П.Г. Понеделин, попавшие в плен в сражении под Уманью в августе 1941 г.⁷² По мнению узника этого лагеря Юрия Соколовского, главной целью сегрегации пленных было “стремление отделить русских от украинцев”⁷³. Вопрос о том, была ли эта цель действительно главной, остается открытым. С уверенностью можно говорить лишь о том, что она не была единственной. Важной составляющей политики разделения было стремление выявить скрывших свою национальность во время первичной селекции евреев. Не исключено, что именно с этой целью 9 ноября 1941 г. в лагере началась регистрация: каждому командиру давали на доске личный номер и вешали его на грудь, красной краской ставили на спине знак “SU” (Sowjetunion), на груди треугольник, на ягодицах два треугольника, в регистрационную карточку, кроме анкетных данных, вносили также личный номер и отпечатки пальцев. На следующем этапе немецкий врач осматривал половой орган каждого пленного на предмет обрезания. Выявленных евреев сразу же отделили и посадили в сарай, не давали им ни есть, ни пить. Затем в декабре 1941 г. расстреляли порядка 600 человек, сняли с убитых белье и стали его продавать. В феврале 1942 г. по лагерю прокатилась вторая волна “зачисток”. В результате было отобрано и расстреляно еще около 600 человек из числа советского медико-санитарного персонала, в их числе множество евреев⁷⁴. Общий режим в лагере характеризуется уже хотя бы тем, что из 12 тыс. чел. с конца осени 1941 г., в живых к весне 1942 г. осталось только 700, остальные же умерли от голода, тифа и обморожения⁷⁵.

Случаи, когда выявленные евреи расстреливались не сразу, а через некоторое, порой весьма продолжительное время, имели место и в ряде других лагерей. Да этого все они, как правило, содержались в специально отведенных для этого местах. Так, сразу после захвата Киева немецкими войсками 19 сентября 1941 г. на ул. Керосинной был организован лагерь военнопленных, который имел два отделения. В первом из них содержалось около 8 тыс. чел., преимущественно украинцы и русские, а во втором – около 3 тыс. чел. как пленных, так и гражданских лиц, но только еврейской национальности. Начиная с 28 сентября всех находившихся в лагере евреев ежедневно грузили на автомашины и вывозили на расстрел в Бабий Яр (до 10–15 грузовых машин каждый день)⁷⁶. В отдельные дни, когда лагерь оказывался переполнен, поиск евреев начинался сразу же по прибытии в лагерь новой партии пленных. Их избивали, раздевали до нижнего белья и угоняли из лагеря на расстрел⁷⁷.

⁷² Об обстоятельствах пленения обоих генералов более подробно см. *Нуждин О.И.* Битва под Уманью: трагедия 6-й и 12-й армий (25 июля – 7 августа 1941 г.). Екатеринбург, 2011, с. 162–215. История пребывания советских генералов в плену дополняется письмом бывшего узника офлага во Владимире-Волынском, написанным им в послевоенные годы. – Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ), ф. 2528, оп. 3, д. 204, л. 1–2.

⁷³ Стенограмма беседы с бывшим командиром Красной Армии Ю.Б. Соколовским от 5 января 1947 г. – ЦДАГОУ, ф. 166, оп. 2, спр. 352, арк. 5–10.

⁷⁴ Расстрел медиков состоялся несмотря на действие приложения 1-го к “Оперативному приказу № 14”, изданного в последних числах октября 1941 г., согласно которому из-за нехватки в лагерях врачей и медперсонала следовало последних, даже если они евреи, оставлять в живых “за исключением особых случаев”. – ГАРФ, ф. Р-7021, оп. 148, д. 101, л. 44.

⁷⁵ Заявление военного прокурора 289-й стрелковой дивизии В.П. Колмакова о режиме немецкого плена от 28 декабря 1943 г. – ГАРФ, ф. Р-7021, оп. 55, д. 359, л. 13–15.

⁷⁶ Протокол допроса Л.К. Островского от 12 ноября 1943 г. – там же, оп. 65, д. 6, л. 3–4.

⁷⁷ Объяснительная записка от партизана А.Н. Попова от 4 ноября 1941 г. – ЦДАГОУ, ф. 1, оп. 22, спр. 118, арк. 24–25.

Почти ту же картину видим и в так называемой “Цитадели” во Львове. Когда в лагерь поступала новая партия пленных, всех их допрашивали, отбирая командиров Красной Армии, членов компартии, комсомольцев и евреев. Отобранных избивали и сразу заключали в камеру смертников в корпусе № 8. На протяжении 17 суток обреченным совершенно не выдавалась пища. Затем обессиленных и умирающих пленных немцы выводили во двор лагеря, расстреливали, а трупы их сжигали⁷⁸.

Выявлены случаи, когда помимо общего разделения всех узников на группы и поиска евреев, последних не расстреливали, а изолируя от остальных пленных, создавали им такие условия содержания, что все они были обречены на голодную смерть. Подобным образом поступила комендатура лагеря, организованного в декабре 1941 г. в селе Чкалово Сталинской области. В нем был установлен специальный режим для военнопленных по принципу национальности. Переход из группы русских к украинцам и наоборот карался пытками, а в некоторых случаях расстрелами. На протяжении первых восьми суток всем без исключения пленным пища вообще не выдавалась. На 9-й день стали выдавать капусту (норма выдачи – один кочан на 20 человек), свеклу (на 10 человек), кукуруза (на 6 человек) и просо в сыром виде. Иногда выдавалась баланда в расчете один котелок на 5 человек, а также мясо павших лошадей. Помощь местных жителей была категорически запрещена, выдача воды не разрешалась. Нарушение установленных правил каралось расстрелом на месте. Тяжелое положение с питанием вызвало к жизни такие явления, как крысоедство, людоедство и употребление в пищу всевозможных отходов. Третья группа пленных изначально была лишена даже самого скудного рациона. В лагере отвели специальную камеру для евреев, комиссаров и политруков, которым пища совершенно не выдавалась, из-за чего они все умерли от истощения. В целом из содержавшихся в лагере 8 тыс. чел. погибло не менее 6 тыс.⁷⁹ Аналогичная ситуация наблюдалась и в лагере г. Новгород-Северск, где особо жестокому обращению и истязаниям подвергались пленные евреи. Им не разрешалось носить верхнюю теплую одежду, их заставляли выполнять самые тяжелые работы, убирать руками разные нечистоты, запрягали их вместо лошадей. Все евреи содержались в специально отведенном каменном каземате, куда не проникал свет, и были почти полностью лишены пищи, в результате чего все они умерли. Только за ноябрь – декабрь 1941 г. в лагере было расстреляно и умерло от истощения не менее 4 тыс. военнопленных⁸⁰.

На эту особенность в содержании пленных обращали внимание советского руководства различные подпольные группы. Так, в одном из сообщений связного Киевского подпольного горкома партии отмечалось, что “немцы жутко издеваются над пленными красноармейцами”, которых по многу дней не только не кормили, но даже не давали питьевой воды. Говоря о крайне тяжелых лагерных условиях для советских пленных всех без исключения национальностей, в то же время подчеркивались и некоторые различия в их положении: “Пленных евреев раздевали до белья. На украинцах можно было видеть хоть шинели, а на остальных совсем ничего не было”⁸¹. В другом секретном документе для командования Красной Армии, характеризовавшем сложившуюся в лагерях ситуацию, отмечалось: “Все военнопленные разбиваются по национальным признакам. Украинцев выделяют и содержат отдельно. Евреев при выявлении немедленно расстреливают. Пленных всех других национальностей содержат вместе”⁸².

⁷⁸ Акт по городу Львову от 16 ноября 1944 г. – Державний архів Львівської області (ДАЛО), ф. 3, оп. 1, спр. 278, арк. 49–50; ГАРФ, ф. Р-7021, оп. 67, д. 86, л. 10; United States Holocaust Memorial Museum Archive (далее – USHMM), RG 06.025*02, N-18762, T. 12, F. 270.

⁷⁹ Акт комиссии Старобешевского района Сталинской области по установлению злодеяний нацистских оккупантов от 16 февраля 1944 г. – ГАРФ, ф. Р-7021, оп. 72, д. 26, л. 1–3.

⁸⁰ Акт ЧГК по г. Новгород-Северск, сентябрь 1943 г. – ГАРФ, ф. Р-7021, оп. 78, д. 39, л. 224–225.

⁸¹ Стенограмма информации М.Я. Гурской от 28 апреля 1942 г. – ЦДАГОУ, ф. 1, оп. 22, спр. 353, арк. 55.

⁸² Агентурная справка на 1 марта 1942 г., раздел “Военнопленные”, в котором подведены итоги за первые восемь месяцев войны. – РГАСПИ, ф. 69, оп. 1, д. 713, л. 26.

Уже к концу осени 1941 г. большинство лагерей на оккупированной территории Украины представляли собой сегрегированное по этническому и расовому признаку пространство со своей иерархией, различными условиями и правилами поведения для каждой национальности. Принципы деления пленных, помимо общей установки немецкого командования, чаще всего определялись комендантами лагерей по собственному усмотрению, нередко вносивших серьезные поправки в предписания руководства.

СОУЧАСТИЕ КОЛЛАБОРАЦИОНИСТОВ В ПРЕСТУПЛЕНИЯХ ПРОТИВ ПЛЕННЫХ ЕВРЕЕВ

Уничтожение военнопленных еврейской национальности, причисленных к категории “нежелательных элементов”, осуществлялось в рамках тотального истребления еврейского населения СССР. Касательно пленных евреев были даны специальные указания, исходившие от РСХА. Так, в приложении 2-е к “Оперативному приказу № 8”, помимо того, что айнзацкоманды нацеливались на ликвидацию всех евреев в лагерях военнопленных, указывалось, что в своей работе они должны стараться найти среди пленных те элементы, которые заслуживают доверия и могут быть использованы как осведомители внутри лагеря. Именно с помощью этих лиц (учитывая их национальную принадлежность) предполагалось добывать необходимые сведения для выявления всех подлежащих уничтожению⁸³. Создание лагерной полиции “из подходящих советских военнопленных”, было окончательно закреплено распоряжением Райнеке от 8 сентября 1941 г. Для действенного выполнения своих задач разрешалось вооружение полиции внутри проволочной ограды палками, кнутами или подобными средствами. В этом документе вновь повторялось, что “лиц, достойных доверия, надо привлечь к работе по отбору политически нежелательных”⁸⁴.

Довольно быстро всем пленным, как и вообще всем военнослужащим Красной Армии, стала известна одна из главных целей нацистов – уничтожение евреев, членов ВКП(б) и политработников, которое стало проводиться на всем Восточном фронте (хотя были и исключения). Для этого оккупационные власти стали активно привлекать часть пленных к сотрудничеству. Преднамеренно создавая в лагерях невыносимый режим и почти что безвыходную ситуацию для узников, нацисты предлагали им пойти в полицию, обещая хорошую одежду и пайк немецкого солдата. В частности, немцев-фольксдойче принуждали подписывать обязательство доносить на всех “подозрительных”⁸⁵. За отказ от сотрудничества с администрацией лагеря “нелояльные” могли быть подвергнуты различным формам репрессий или же сами переведены в разряд “нежелательных”⁸⁶. О мероприятиях, проводимых оккупационными властями, вскоре стало известно советской стороне. Так, в информационном сообщении одного партизанского отряда о ситуации на Украине отмечалось, что в некоторых лагерях в помощь немцам выделяется внутренняя охрана, которая набирается из пленных, пошедших на службу к оккупантам. Остальные пленные сортируются по национальному принципу и содержатся в различных помещениях⁸⁷.

⁸³ Директивы для команд, выделяемых начальником полиции безопасности и СД в лагерь военнопленных от 17 июля 1941 г. – ГАРФ, ф. Р-7021, оп. 148, д. 101, л. 13–17; РГВА, ф. 500, оп. 1, д. 25, л. 30–34.

⁸⁴ ГАРФ, ф. Р-7021, оп. 148, д. 432, л. 12, 15.

⁸⁵ Полян П. Советские военнопленные-евреи – первые жертвы Холокоста в СССР. – Обреченные погибнуть: судьба советских военнопленных-евреев во Второй мировой войне. Воспоминания и документы. М., 2006, с. 33.

⁸⁶ Протокол допроса свидетеля Карла Пеета следственным отделом прокуратуры Львовской области от 13 сентября 1944 г. – ГАРФ, ф. Р-7021, оп. 67, д. 77, л. 100–100об, 103–103об.

⁸⁷ Объяснительная записка партизана В.И. Ничипора и В.Д. Тузлукова в 4-й отдел НКВД УССР о настроении и положении населения на оккупированной немцами территории Украины от 22 декабря 1941 г. – ЦДАГОУ, ф. 1, оп. 22, спр. 118, арк. 140.

О том, что происходило в лагере “Уманская яма”, куда были согнаны пленные из 6-й и 12-й советских армий, разгромленных в начале августа 1941 г., свидетельствовал Н. Дашевский. По его словам, в лагере всюду сновали местные полицаи с желто-голубыми повязками на руках, они усердствовали больше немцев. Они лучше разбирались, кого еще следует убрать, выявляли евреев, заставляли становиться в ряд смертников. Никакие возражения не принимались. Защита со стороны не помогала⁸⁸. В конце августа 1941 г. в лагере г. Кировограда, по воспоминаниям красноармейца М. Нефёдова, немцы в течение нескольких дней отбирали пленных евреев, причем многих выдали свои же товарищи. Всего была отобрана группа в 70 человек. После недели всяческих издевательств, избиений палками и камнями, всех их расстреляли⁸⁹.

Командир Красной Армии В. Пшеницын, попавший в плен несколько позднее, в сентябре 1941 г. в ходе боев в киевском “котле”, впоследствии рассказывал, что на сборном пункте в селе Ковали выстроили колонну пленных и стали по внешнему виду отбирать евреев. В отборе помогали немцы Поволжья и украинские националисты. Отобранных евреев уводили группами за село, заставляли рыть могилы и тут же расстреливали⁹⁰.

Начало октября 1941 г. ознаменовалось серьезным поворотом в нацистской национальной политике в отношении советских военнопленных. Во-первых, 7 октября 1941 г. Розенберг передал генерал-комиссарам и рейхскомиссарам, и в том числе Украины, информационный материал под названием “Народы и народности Советского Союза” для изучения и руководства при разрешении вопросов с военнопленными. Это означало проведение новых “осмотров” советских пленных и выделение из них отдельных лиц, как указывалось, “особенно подходящих для выполнения особых поручений”⁹¹. Одновременно министерство оккупированных восточных территорий направило во все крупные лагеря инспекционные комиссии для проведения масштабной проверки военнопленных. Перед ними стояли три основные задачи: отпустить из плена представителей “дружественных народов”, отбирать политически благонадежных для последующего использования на немецкой службе, а также содействовать в поиске и выявлении всех политических и расовых врагов Третьего рейха⁹². 10 октября эти комиссии получили специальную инструкцию, в которой указывалось, что часть евреев-красноармейцев, появившихся на свет в начале 1920-х годов, не были обрезаны по причине отхода их семей от обрядов и традиций иудаизма в первые годы советской власти. Посему в лагерях могли уцелеть многие “нежелательные”, скрывавшие свою национальность⁹³. Косвенным образом признавалось, что действия айнзацкоманд в первые месяцы войны оказались недостаточно эффективными. Без более широкого привлечения пленных к поиску евреев возможность “окончательного решения еврейского вопроса” на территории СССР ставилась под сомнение. По лагерям оккупированной Украины прокатилась новая волна фильтраций.

Согласно показаниям одного из узников лагеря в г. Рава-Русская, проверка пленных с целью выявления “нежелательных” поначалу никаких результатов не дала. Тогда лагерная администрация, помимо того что совершенно перестала кормить пленных, стала всячески провоцировать в их среде национальную рознь. По его словам, это выражалось в попытках сталкивать самым “варварским методом нацию об нацию”.

⁸⁸ Шнеер А. Указ. соч., т. 2, с. 119–120.

⁸⁹ Документы обвиняют: Холокост. Свидетельства Красной Армии. М., 1996, с. 58.

⁹⁰ Уничтожение евреев СССР в годы немецкой оккупации (1941–1944). Сб. док. и мат. Иерусалим, 1991, с. 301.

⁹¹ Документ был подготовлен к 20 сентября 1941 г. – ЦДАГОУ, ф. 1, оп. 23, спр. 1063, арк. 53–54.

⁹² Служебное указание рейхсминистра от 23 сентября 1941 г. – Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Сб. док., т. 2, кн. 2. М., 2000, с. 539–542.

⁹³ Sreim A. Die Behandlung sowjetischer Kriegsgefangener im “Fall Barbarossa”: Eine Dokumentation. Heidelberg – Karlsruhe, 1981, S. 72.

Во время последующих фильтраций ставка была сделана на привлечение отдельных пленных для службы в лагерной полиции. Им выдавали обмундирование, нагайки, палки для помощи немецкому персоналу в наведении “порядка” в лагере. Дополнительно в лагерь прибыли сотрудники львовского гестапо. Отныне каждого поступавшего в лагерь клали на землю вниз лицом и подвергали допросу в связи с возможной принадлежностью к евреям, компартии или командному составу Красной Армии. В случае отрицательного ответа пленный подвергался избиению шомполами до полу-смерти. Когда набралось около 700 человек, всех их загнали в отдельную темницу, где они находились без пищи и питья несколько дней, после чего все они были расстреляны в близлежащем лесу⁹⁴.

Охота велась также на больных и раненых евреев. В качестве примера можно привести “Гросс-лазарет” в г. Славута. При городском отделении гестапо работал молдаванин по фамилии Митрофанский (ранее служил на Черноморском флоте), “специализировавшийся” на выявлении евреев среди гражданских лиц и пленных. Когда последних выгоняли из блоков, он строил их и по внешнему виду находил евреев. После этого отобранные проверялись по разговорной речи и осмотру половых органов. Вначале их сажали в карцер, где давали по 200 г хлеба и литр воды в сутки, а потом группами по несколько человек в присутствии Митрофанского уводили на расстрел⁹⁵.

Политика оккупационных властей не могла долгое время оставаться незамеченной советским командованием. В многочисленных сводках Разведуправления Генштаба Красной Армии отмечалось, что военнопленных эсэсовцы осматривают по расовому признаку: цвет волос, форма носов, акцент, обрезание. Евреев сразу же отделяют и увозят на расстрел. Результатами чисток, проводившихся айнцакомандами в лагерях для военнопленных, чаще всего было следующее: “Советский актив и евреи истреблены поголовно”⁹⁶.

В то же время на территории оккупированной Украины было немало лагерей, где все попытки нацистов привлечь на свою сторону военнопленных если и не совсем провалились, то, во всяком случае, не дали ожидаемых результатов. В Кременчугском лагере в октябре 1941 г. администрация попыталась посеять национальную рознь среди заключенных. Как приманку в те дни, они практиковали такую провокацию: украинцам, помимо того что их обещали отпустить домой, разрешалось снимать с других пленных сапоги и шинели. Это продолжалось почти две недели. Правда, согласно показаниям одного из узников лагеря, Ш.Г. Горделадзе, лишь отдельные заключенные воспользовались этим правом, особенно в отношении лиц, внешне похожих на евреев. Однако случаев выдачи евреев не наблюдалось. Так как эта мера не принесла ожидаемых результатов, украинцев стали первыми выпускать на работу. И вновь без особого эффекта, хотя желающих было много, поскольку это давало хоть какой-то шанс на получение дополнительного питания. В основном пленные предпочитали взаимовыручку раздорам – например, всячески старались прикрывать друг друга, когда немецкие солдаты устраивали обход, тщательно проверяя личные вещи, чтобы обнаружить ценные предметы⁹⁷.

Нередкими были случаи помощи со стороны советских солдат других национальностей евреям, выражавшиеся чаще всего в том, что знавшие о еврейском происхождении пленного не выдавали его, а, наоборот, всячески помогали скрывать свою

⁹⁴ Протокол допроса П.И. Голубенко от 16 сентября 1944 г. – ГАРФ, ф. Р-7021, оп. 67, д. 78. л. 86–87.

⁹⁵ Заявление от группы военнопленных центрального лазарета Украины г. Славуты в Ставку Верховного Главнокомандования Красной Армии и советскому правительству. – Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (далее – ЦАМО РФ), ф. 236, оп. 2675, д. 143, л. 239.

⁹⁶ Выдержки из сводок и агентурных данных за 1941–1942 гг. – РГАСПИ, ф. 17, оп. 125, д. 92, л. 117.

⁹⁷ Стенограмма беседы с Ш.Г. Горделадзе от 11 июня 1945 г. – ЦДАГОУ, ф. 166, оп. 3, спр. 243, арк. 63–64.

национальность. И в этом отношении судьба евреев почти всегда зависела от людей, находившихся рядом с ними в момент пленения, а затем и в немецком лагере. По воспоминаниям Леонида Котляра, попавшего вместе с другими солдатами 1-го батальона 756-го стрелкового полка в плен во время боев в 40 км от Каховки 9 сентября 1941 г., он не был раскрыт как еврей только потому, что молчали осведомленные о его национальной принадлежности сослуживцы. По его словам, когда немцы окружили их подразделение, находившийся рядом с ним в воронке от снаряда командир отделения сержант Бевз, заговорил едва слышно, почти не разжимая губ: “Леня, ты не признавайся. Тебя никто не выдаст”. Воспользовавшись тем, что его загородил собой другой пленный, Котляр уничтожил все имеющиеся у него документы (красноармейская книжка, аттестат зрелости и солдатский капсул-медальон, в которых значились его фамилия, имя и национальность) и зарыл их остатки. Там же, на краю воронки, еще три человека получили заверения в том, что их никто не выдаст: командир взвода – коммунист, и два сержанта-еврея, которые были к тому же командирами отделений⁹⁸. Во время сортировки пленных на отдельные группы по национальностям, которую устроил немецкий конвой прямо в ходе одного из этапов следования колонны в лагерь г. Николаева, Котляр заявил переводчику, что его мать украинка, а отец – цыган. Выслушав переводчика, немец тотчас же вынес решение: “Nach der Mutter! Ukrainer!”, т.е. придал большее значение его украинскому происхождению по матери. Котляра определили в ряды украинцев, что и спасло его от неминуемой гибели⁹⁹.

Не раз удавалось избежать гибели К.А. Рутштейну – участнику обороны Киева, который, будучи тяжело ранен (но мог передвигаться), попал в плен 25 сентября 1941 г. В лагере в селе Гоголево Полтавской области, оказавшиеся рядом двое пленных, посоветовали ему придумать себе новую фамилию, заявив при этом: “Прикройся с головой плащ-палаткой, а мы, когда будет проверка, скажем, что ты тяжелораненый, не трогайте его”. Таким было первое его спасение. Через некоторое время раненые были перевезены в Дарницу, а затем в г. Богун – пригород Житомира. Начальник находившегося там госпиталя для военнопленных Иван Алексеев делал все возможное, чтобы сохранить жизнь евреям, коих немало было в госпитале. Их не только никто не выдавал, но и, наоборот, скрывали, и даже помогали организовывать побег. Случалось и так, что полицаи, звавшие о национальности пленных, не выдавали их¹⁰⁰.

Таким образом, можно утверждать, что оккупационные власти на определенном этапе, начиная с осени 1941 г., столкнулись с серьезными трудностями при выявлении военнопленных-евреев в лагерях. На первых порах для этого было достаточно всего лишь осмотреть внешность пленных. Затем стали практиковать осмотр половых органов на наличие обрезания. Когда же выяснилось, что и этого недостаточно, поскольку обрезание не является бесспорным доказательством принадлежности к еврейской национальности, ставка была сделана на максимальное привлечение к поиску и опознанию евреев со стороны пленных неевреев. Как показала практика, формы использования пленных в этих целях, а также их готовность участвовать в процедуре выявления, как и масштаб этого участия, были весьма различны. Небольшой части евреев удалось уцелеть благодаря помощи товарищей.

ПОЛОЖЕНИЕ ВОЕННОПЛЕННЫХ-“АЗИАТОВ”

В первые месяцы военной кампании 1941 г. нередкими были случаи массовых убийств пленных азиатского и кавказского происхождения наряду с евреями по мотивам расово-идеологического характера¹⁰¹. Например, в показаниях красноармейца

⁹⁸ Котляр Л.И. Воспоминания еврея-красноармейца. М., 2011, с. 27–30.

⁹⁹ Там же, с. 31–32.

¹⁰⁰ Рутштейн К.А. “Еще живой!” – Обреченные погибнуть, с. 343–345.

¹⁰¹ Эти расстрелы зафиксированы в официальных документах РСХА: NARA, RG 242, T 315, R 2215, 000912.

Якова Марченко от 2 октября 1941 г., буквально накануне бежавшего из плена, приводятся данные о расстреле пленных грузинской национальности во время боев в районе села Ануфриевка. Последние доказывали немецким солдатам, что они не евреи, а грузины, на что в ответ им было заявлено: “А это все равно, Сталина родственники”¹⁰². Известны и другие случаи расстрелов. Так, бойцы из состава 167-го стрелкового полка, освобожденные из немецкого плена, впоследствии рассказывали, что на их глазах солдаты вермахта расстреляли целую группу красноармейцев за принадлежность к народам Кавказа и Средней Азии¹⁰³. Причем подобное обращение было характерно не только для прифронтовой полосы, но и для лагерей. Так, по свидетельству немецкого охранника лагеря военнопленных в Николаеве, находившегося там с августа по ноябрь 1941 г., все содержащиеся в нем узники были разделены на украинцев, русских, “кавказцев” и “азиатов”. После войны в своих показаниях он обратил внимание на такие факты относительно различий в условиях их содержания: “Русские и кавказцы находились в лагере в одинаково скверных и тяжелых условиях. Отношение к “азиатам” было беспощадным”¹⁰⁴.

Однако не до конца выяснена нормативная база обращения с пленными “азиатами”, под которыми, нередко (в отличие от вышеприведенного случая), понимались не только выходцы из собственно азиатских республик СССР, но также Закавказья. Даже если принять версию о существовании довоенного приказа об уничтожении строго определенных групп советского населения айнзацгруппами, и в том числе “неполноценных азиатов”, то и в этом случае многое все равно остается непонятным¹⁰⁵. Например, почему в таком случае в “Оперативном приказе № 8” они не фигурировали как группа, подлежащая уничтожению? В этом документе указывалось лишь на необходимость отделять “азиатов” от солдат, имевших европейский вид. Здесь же особо отмечалось, что в Германии не нужны “азиаты”, а также “подозрительные” лица, владеющие немецким языком¹⁰⁶. Остается только догадываться, что это могло означать. Идет ли речь о ликвидации или же о недопустимости их ввоза на территорию Германии при любых обстоятельствах? Или же дело заключалось в том, что крайне расплывчатым было определение самой группы “азиатов” – расовая ли она, культурно-этническая, религиозная? Поэтому с самого начала было совершенно непонятно, кого же конкретно следовало включать в число так называемых “азиатов”, что создавало предпосылки для откровенного произвола.

Многие специалисты считают, что представители народов Кавказа и Средней Азии уничтожались по подозрения в принадлежности к евреям из-за внешнего сходства с ними¹⁰⁷. Другие же полагают, что расстрелы представителей этих народов (преимущественно мусульманских) осуществлялись исключительно по той причине, что у них,

¹⁰² Специальное сообщение Особого отдела НКВД Южного фронта об издевательствах немцев над пленными военнослужащими РККА от 3 октября 1941 г. – ЦДАГОУ, ф. 62, оп. 9, спр. 4, арк. 19.

¹⁰³ Доклад Политического отдела 12-й армии от 10 декабря 1941 г. – Там же, арк. 141.

¹⁰⁴ Письменное заявление ефрейтора Вернера Мюльпольтнера. – ГАРФ, ф. Р-7021, оп. 148, д. 242, л. 8–9.

¹⁰⁵ На совещании в Прецше в мае 1941 г. Гейдрих устно довел до командиров этих групп приказ об уничтожении всех евреев, “неполноценных азиатов”, коммунистических функционеров и цыган. См. *Фест И.* Гитлер: биография. Триумф и падение в бездну. М., 2006, с. 420. Эта версия была заимствована Фестом из статьи Г. Краусника. Д. Михман считает, что приказа об уничтожении евреев и “азиатов” не было до августа 1941 г. См. *Михман Д.* Историография Катастрофы: еврейский взгляд. Концептуализация, терминология, подходы и фундаментальные вопросы. Днепропетровск, 2005, с. 117–127.

¹⁰⁶ Приложение 1-е. – ГАРФ, ф. Р-7021, оп. 148, д. 101, л. 12; РГВА, ф. 500, оп. 1, д. 25, л. 29.

¹⁰⁷ *Ермаков А.М.* Вермахт против евреев: война на уничтожение. М., 2009, с. 230; *Краковски Ш.* Указ. соч., с. 41; *Шнеер А.* Указ. соч., т. 2, с. 130.

как и у евреев, практиковалось обрезание¹⁰⁸. Так или иначе, но в обоих случаях речь идет о том, что расстрелы “азиатов” нередко были следствием ошибки. Впрочем, отсутствие официального приказа, будь то в письменной или же устной форме, не может служить доказательством отсутствия намерения истребить данную группу советских военнослужащих. Это в равной степени относится и к утверждениям о якобы ошибочности массовых убийств. Хотя это, безусловно, не исключает возможности того, что часть пленных “азиатов” действительно была идентифицирована в качестве евреев и на этом основании убита, точно так же как на этом основании могли быть убиты и военнопленные других национальностей. По нашему мнению, подобные “эксцессы” объясняются интенсивной пропагандой “расовой неполноценности” восточных народов, что могло привести к стихийным, часто не санкционированным “сверху” массовым расстрелам¹⁰⁹.

Подтверждение этой версии мы находим в письме Розенберга Кейтелю от 28 февраля 1942 г. В нем отмечалось, что в различных лагерях расстреливают всех “азиатов”, хотя как раз жители Закавказья и Туркестана наиболее резко были настроены против русского гнета и большевизма. И хотя министерство оккупированных восточных территорий неоднократно указывало на ненормальность такого положения, несмотря на это «еще в ноябре в один из лагерей для военнопленных в районе Николаева явилась команда, которая хотела ликвидировать “азиатов”». Распространение получили совершенно ложные, по мнению Розенберга, представления, согласно которым «чем дальше на Восток, тем менее полноценными являются живущие там народы. Если уже в отношении поляков установлен жесткий режим, то еще более суровым он должен быть для украинцев, белорусов, русских и, наконец, для “азиатов”»¹¹⁰.

Существует и другая точка зрения. Так, Б. Белер, адъютант генерала для особых поручений при ОКХ О. Мюллера, утверждал, что осенью 1941 г. главным штабом вооруженных сил был издан приказ, по которому запрещалось перевозить в Германию советских пленных азиатского происхождения и что на практике это означало их уничтожение. По его словам: «Впрочем, о действительной цели этого приказа – уничтожении “неевропейцев” – боялись говорить с полной откровенностью»¹¹¹.

Первые документально зафиксированные запреты подобного рода относятся к июлю 1941 г. Об этом в частности говорилось в упомянутом приказе ОКХ от 24 июля за подписью генерал-квартирмейстера ОКХ Э. Вагнера. Помимо него существовали и другие приказы, а также проводились специальные совещания, в ходе которых рассматривались данные вопросы¹¹². Но документы более позднего времени частично подтверждают версию Белера, по крайней мере в той части, которая касается запрета использовать “азиатов” на принудительных работах в самом рейхе. Так, 27 октября 1941 г. появилось указание имперского министра труда, в котором специально отмечалось, что в отношении “азиатов” сохраняется прежний порядок, согласно которому они не направляются в рейх, за исключением единичных случаев их перемещения в специальные лагеря по причинам безопасности или же по другим политическим соображениям. Здесь также отмечалось, что в дальнейшем само понятие “азиаты”

¹⁰⁸ Полян П.М. Жертвы двух диктатур: жизнь, труд, унижение и смерть советских военнопленных и оstarбайтеров на чужбине и на родине, 2-е изд. М., 2002, с. 86; *его же*. Советские военнопленные..., с. 32, 42; *Streim A.* Die Behandlung..., S. 71–72; *Streit C.* Op. cit., S. 98.

¹⁰⁹ Подробнее см.: *Wette W.* “Rassenfeind”: Die rassistischen Elemente in der deutschen Propaganda gegen die Sowjetunion. – *Deutsch-Russische Zeitenwende: Krieg und Frieden, 1945–1995.* Baden-Baden, 1995, S. 175–201; *idem.* Die Wehrmacht: Feindbilder. Vernichtungskrieg. Legenden. Frankfurt a/M., 2002, S. 14–35.

¹¹⁰ Письмо по вопросу о жестоком обращении с военнопленными. – ЦДАГОУ, ф. 1, оп. 23, спр. 3108, арк. 155–156.

¹¹¹ Из его статьи в газете “Свободная Германия” № 24 от 27 декабря 1943 г. – ГАРФ, ф. Р-7021, оп. 148, д. 242. л. 4–5.

¹¹² См. *Streit C.* Op. cit., S. 192–196.

подвергнется уточнению и дифференциации¹¹³. Не исключено, что существовали и другие, не сохранившиеся письменные приказы, а возможно, переданные подчиненным в устной форме.

Чем бы ни были мотивированы массовые расстрелы “азиатов” в первые месяцы войны, уже к началу сентября явно наметились серьезные изменения в национальной политике. Речь идет об одном важном уточнении, которое сделал Гейдрих в отношении директив для айнзацкоманд. В нем специально оговаривалось, что украинцы, белорусы, азербайджанцы, армяне, северокавказцы, грузины и представители тюркских народов могли считаться подозрительными и подлежать “дальнейшей обработке” (т.е. казни) только в том случае, если они действительно являлись фанатичными большевиками, политкомиссарами или иными “опасными элементами”. Отправлявшимся в лагерь для военнопленных командам полиции безопасности и СД следовало обратить особое внимание на тюрков, которые очень часто внешностью походили на евреев, и на то, что обрезание не является бесспорным признаком еврейского происхождения (в качестве примера были приведены мусульмане)¹¹⁴. Правда, и в этом случае не разъяснялось, кто такие тюрки и как их можно отличить от остальных.

Одним из первых обратил внимание на издержки германской политики и пропаганды в отношении восточных народов СССР чиновник министерства оккупированных восточных территорий О. Бройтигам, в прошлом немецкий дипломат, имевший многолетний опыт консульской работы на Кавказе. Именно под его влиянием расстрелы пленных азиатского происхождения были расценены как серьезная политическая ошибка, поскольку эти народы, вследствие сталинской национальной и религиозной политики, являлись, по его мнению, наиболее оппозиционно настроенными в отношении советской власти и готовыми пойти на сотрудничество с оккупационными властями¹¹⁵.

Определенные изменения в “азиатском” и вообще в национальном вопросе произошли и на идеологическом уровне, поскольку новая его трактовка должна была получить и новое теоретическое обоснование. На смену весьма упрощенным представлениям (вроде “евреи–русские/славяне–нерусские”) пришли заключения экспертов-этнографов и расоведов. Уже 20 сентября 1941 г. под руководством Розенберга министерство оккупированных восточных территорий издало наиболее полный перечень национальных групп советских пленных для генералкомиссаров и рейхскомиссаров, на который также должны были ориентироваться команды, осуществлявшие “отборы” и коменданты лагерей: 1) фольксдойче, 2) русские, 3) украинцы, 4) белорусы, 5) кавказские народы, 6) туркестанские народы, 7) волжско-уральские народы, 8) народы Прибалтики, 9) финны, карелы, 10) монголы, 11) румыны, болгары, греки. Наверное, не случайно, что народы Кавказа и Средней Азии были расписаны в тексте документа наиболее подробно, с учетом всех этносов, входящих в их состав¹¹⁶. К этому документу также прилагалось объяснение, в котором каждому из народов давалась краткая характеристика, на основу которой был положен принцип лояльности/нелояльности большевистской власти, отношение к русским с одной стороны, и с другой – отношение к Третьему рейху. Например, армяне характеризовались как национально сознательный народ, а грузины, кроме этого, еще и как народ с европейскими традициями и большими симпатиями к Германии, татары – как национально сознательные и мало боль-

¹¹³ Документ относительно обращения с представителями национальных меньшинств из числа советских пленных, предназначенных для руководителей местных трудовых управлений. – ГАРФ, ф. Р-7021, оп. 148, д. 84, л. 26.

¹¹⁴ Дополнение к директивам для командированных в лагерь военнопленных команд полиции безопасности и СД от 12 сентября 1941 г. – ГАРФ, ф. Р-7021, оп. 148, д. 101, л. 36–37.

¹¹⁵ *Streit C.* Op. cit., S. 98. Следует отметить, что Бройтигам принадлежал к группе “реалистов”, выступавших за активное сотрудничество с нерусскими национальностями. См. *Alexiev A.* Op. cit., p. 7–8.

¹¹⁶ Подробнее см. ЦДАГОУ, ф. 1, оп. 23, спр. 1063, арк. 54–55.

шевизированные, дагестанцы как народ, ненавидящий русских, а казахи и таджики как антирусски настроенные и т.д.¹¹⁷ На основании вышеприведенных характеристик, главным образом данных пленным “азиатам”, также можно было сделать соответствующие выводы о “нецелесообразности” для оккупационных властей продолжать политику истребления указанных национальных групп и попытаться привлечь их на свою сторону в борьбе с разворачивающимся партизанским движением или же для выполнения полицейских функций.

19 ноября 1941 г. появляется распоряжение Ставки ОКХ об отделении и отпуске представителей различных национальных меньшинств, среди которых на первом месте значились туркестанцы. В третьем пункте документа особо отмечалось, что эти пленные “в связи с особенностями их исторического развития и религии, в общем, относятся отрицательно к большевизму. Умелое обращение с этими антибольшевистски настроенными меньшинствами будет способствовать подрыву сил русской армии и советского строя”. Далее говорилось, что в лагерях следует стараться “изолировать этих военнопленных, чтобы подчеркивать таким образом их противоречия с великороссами”, а также наделять их различными привилегиями и, самое важное, “использовать их в качестве лагерных полицейских”¹¹⁸.

Вероятнее всего, именно под влиянием уже упомянутого указания Гейдриха или же согласных с его новой трактовкой “азиатского вопроса” в среде высшего руководства вермахта¹¹⁹, а также позицией Розенберга, уже во 2-й половине сентября 1941 г. в лагере военнопленных в Виннице полиция состояла из “нацменов”, которые определялись по показаниям одного из пленных советских командиров, как “не то узбеки, не то кавказцы”¹²⁰. К концу 1941 г. – началу 1942 г. стали организовываться и первые пункты формирования частей из военнопленных по национальному признаку. Для их агитационной обработки немцы направляли в лагеря своих агентов, набранных в основном из эмигрантов, в том числе русских белогвардейцев, мусульманских националистов, мулл и др. Пункты формирования таких частей существовали в Днепропетровске, Лохвице, Ромнах, Сталино и Симферополе¹²¹. К этому времени стало совершенно ясно, что “блицкриг” окончательно провалился и Германии следует готовиться к затяжной войне на истощение, в которой многое будет зависеть от состояния людских резервов. Это и привели руководство Третьего рейха к идее создания “восточных легионов”.

Нельзя исключать и той возможности, что на этот вопрос решающее влияние оказал внешнеполитический фактор – позиция ряда зарубежных стран, в частности, некоторых турецких политиков, в том числе сводного брата Энвер-паши Нури Киллигиля. В сентябре 1941 г. по прибытии в Берлин он провел переговоры со статс-секретарем МИД Германии Э. Верманом. В частности, Куллигиль настаивал на необходимости отделить пленных тюркского происхождения от всех остальных советских пленных и создать для них особый лагерь по образцу Вюнсдорфского, который существовал в годы Первой мировой войны. Затем предлагалось проверить, насколько возможно их использование в качестве боевых отрядов, а со временем и целой армии так называемого пантуранистского движения, союзного Германии. Нечто подобное, а именно ис-

¹¹⁷ Там же, арк. 56–60.

¹¹⁸ Распоряжение Ставки ОКХ относительно отделения военнопленных некоторых национальностей. – ГАРФ, ф. Р-7021, оп. 148, д. 84, л. 28.

¹¹⁹ Открыто высказывал сомнения в правильности восточной политики, ратуя за массовое привлечение советских пленных в ряды “добровольных помощников”, генерал-квартирмейстер ОКХ Э. Вагнер. См. *Fischer G. Soviet Opposition to Stalin: A Case Study in World War II*. Cambridge, 1952, p. 14–15. Осенью 1941 г. появляется проект капитана В.К. Штрик-Штрикфельдта о создании антисоветских формирований. См. *Штрик-Штрикфельдт В.К. Против Сталина и Гитлера: генерал Власов и Русское Освободительное Движение*, 3-е изд. М., 1993, с. 57–62.

¹²⁰ ЦДАГОУ, ф. 166, оп. 2, спр. 352, арк. 4–5.

¹²¹ Мероприятия германских властей на временно оккупированной территории СССР (Обзор трофейных документов, иностранной печати и агентурных материалов, поступивших к июню 1941 г. по март 1943 г.). – ЦДАГОУ, ф. 1, оп. 23, спр. 533, арк. 12.

пользование враждебных русским пленных мусульман, предлагал и В.О. фон Хентиг – ответственный работник МИД и авторитетный эксперт по исламским странам¹²². Свою роль сыграла также поездка двух турецких генералов в Крым в начале октября 1941 г. при содействии германского посла в Турции Ф. фон Папена, которые заявили о своем беспокойстве за судьбу тюркских пленных, а также позиция министра иностранных дел Турции Ш. Сараджоглу, высказывавшего немецкой стороне свои пожелания на счет облегчения участи пленных тюрков и мусульман¹²³. Вполне резонно предположить, что политика заигрывания с мусульманами была составной частью немецкой политики по втягиванию Турции в войну против СССР.

Немаловажно отметить и то обстоятельство, что некоторые так называемые “добровольческие соединения”, воевавшие на стороне Германии, уже летом 1941 г. состояли из военнопленных азиатского происхождения. Возможно, в данном случае инициатива в формировании таких соединений была проявлена со стороны отдельных армейских командиров “на местах”, которые стали действовать без официального разрешения, поскольку никаких уточнений и директив “сверху” по этому поводу не поступало. В одном из документов Харьковского обкома КП(б)У отмечалось, что 1 августа 1941 г. произошел сильный бой советских партизан с немецким карательным отрядом, в котором принимала участие так называемая “добровольческая украинская армия”. После разгрома этого соединения выяснилось, что там ни одного украинца не было, а преимущественно татары, туркмены, узбеки и представители других национальностей из числа военнопленных. Аналогичный случай имел место 5 октября 1941 г. В документе особо подчеркивалось, что основную ставку нацисты в оккупированных районах Советского Союза и Украины делают на стравливание между собой представителей различных национальностей, чтобы не дать им возможности сплотиться для организованной борьбы с оккупантами¹²⁴. Таким образом, мы можем говорить о двойственности позиции оккупационных властей в отношении пленных “азиатов”, выразившейся поначалу в практике доктринального истребления данной категории пленных, однако под давлением обстоятельств и опыта соприкосновения с ними – в принятии решения прекратить массовые расстрелы. На этом примере хорошо видно, как проводимая на основе непримиримой расовой идеологии политика может претерпеть весьма существенные изменения за достаточно короткое время, что выразилось в радикальном пересмотре “азиатского вопроса” исходя из прагматических соображений.

ОСВОБОЖДЕНИЕ ПЛЕННЫХ ИЗ ЛАГЕРЕЙ ПО НАЦИОНАЛЬНОМУ ПРИЗНАКУ

С ходом войны ситуация стала постепенно меняться и в других сферах, дело не ограничилось только лишь сегрегацией узников в лагерях. Не в последнюю очередь это было связано с тем, что в руки вермахта и СС попали огромные массы военнопленных, и у правящей верхушки Третьего рейха появилась возможность узнать куда больше об истинном положении вещей в отношениях между национальностями в их среде¹²⁵. Красная Армия была в этом смысле наиболее ярким примером, являясь, по сути, слепком советского общества, или, по крайней мере, весьма значительной (муж-

¹²² Akten zur Deutschen Auswärtigen Politik 1918–1945. Serie D (1937–1941), Bd XIII, 2. Göttingen, 1970, S. 467–470, 578.

¹²³ Подробнее см.: *Гилязов И.А.* Легион “Идель-Урал”. М., 2009, с. 25–26, 49; *Krecker L.* Deutschland und die Türkei im Zweiten Weltkrieg. Frankfurt a/M, 1964, S. 215.

¹²⁴ ЦДАГОУ, ф. 1, оп. 22, спр. 10, арк. 173–175.

¹²⁵ По моим подсчетам, в 1941 г. только в крупнейших операциях на территории Украины в плен попало около 1013 тыс. человек: *Марінченко О.О.* Демографічний вимір поразки 1941 р.: масштаби втрат РСЧА військовополоненими на території України. – Український історичний журнал, 2013, № 3, с. 151–171.

ской) ее части¹²⁶. С другой стороны, на первый план начали выходить экономические потребности, связанные с необходимостью использования советской рабочей силы на захваченной территории. Эта проблема стала предметом обсуждения еще в рамках подготовки к вторжению. Уже в “Зеленой папке” Геринга указывалось: “Для работы следует использовать военнопленных, связавшись по этому вопросу с местными военными властями”. Допускалось также привлечение к работам собственных войск, “в особенности для уборки урожая”¹²⁷.

Когда в июле 1941 г. на сборных пунктах и в дулагах, расположенных в зоне ответственности ОКХ, оказалось большое число военнопленных, на содержание которых не выделялось никаких средств, стали появляться предложения по освобождению из лагерей узников ряда национальностей. Для этого у вермахта уже был необходимый опыт – согласно решению ОКВ, в течение сентября 1940 г. из плена массово отпускались украинцы из состава бывшей польской армии, которых трудоустраивали в качестве работников сельского хозяйства или немецких предприятий¹²⁸. Однако в начальный период кампании против СССР основной интерес был проявлен исключительно в отношении немцев-фольксдойче, которые должны были занять ведущие позиции в колониальной администрации оккупированной Украины. Действие приказа начальника тылового района группы армий “Юг” К. фон Рока от 14 июля, запрещавшего освобождать из плена советских немцев как недостаточно лояльных новой власти, было отменено¹²⁹. На эту проблему обратило свое внимание и РСХА. Так, в 1-м приложении “Оперативного приказа № 8”, разработанного совместно с ОКВ, особое внимание уделялось именно немцам Поволжья, пригодным для “восстановительных работ в оккупированной области”¹³⁰.

Вскоре было также решено произвести перегруппировку советских пленных и ряда других национальностей. В связи с чрезвычайной переполненностью лагерей 18 июля фон Рок потребовал по возможности разгруппировать пленных жителей Прибалтики и украинцев. Германское командование также хотело отпустить некоторую часть из них, исходя из соображений экономического характера: на селе ощущалась острая нехватка рабочей силы для сбора созревшего урожая, чтобы обеспечить продовольствием вермахт и рейх¹³¹. Принятие решения по этому вопросу не заставило себя долго ждать. Уже 25 июля 1941 г. был издан соответствующий приказ генерал-квартирмейстера Вагнера № 11/4590 об освобождении немцев Поволжья, “прибалтов”, украинцев, а затем и белорусов¹³². Однако особый акцент при освобождении пленных делался на представителях наиболее многочисленных после русских народов, в первую очередь украинцев. Не случайно начальник Генштаба ОКХ Ф. Гальдер через два дня после приказа Вагнера записал в своем дневнике: “Украинцы и уроженцы прибалтийских государств будут отпущены из плена”, как будто не замечая того факта, что список подлежавших освобождению был в действительности несколько шире¹³³. В последующих документах этот перечень неоднократно уточнялся и пополнялся некоторыми другими национальностями, однако неизменным оставался принцип отпус-

¹²⁶ См., например, аналитические статьи сотрудников РСХА об их впечатлениях, полученных во время допросов советских пленных. – РГВА, ф. 500, оп. 3, д. 780, л. 1–4, 12–17.

¹²⁷ См. пункт 6-й этого документа: “Зеленая папка” Геринга. – Военно-исторический журнал, 1991, № 5, с. 25.

¹²⁸ Тогда в немецком плену оказалось около 90 тыс. украинцев. См. *Курилович К.* Українське життя в умовах німецької окупації (1939–1944): за матеріалами української легальної преси. Львів, 2010, с. 165–166.

¹²⁹ NARA, RG 242, T 501, R 5, 000494–5.

¹³⁰ ГАРФ, ф. Р-7021, оп. 148, д. 101, л. 12; РГВА, ф. 500, оп. 1, д. 25, л. 29.

¹³¹ *Косик В.* Указ соч., с. 161, 164.

¹³² Великая Отечественная без грифа секретности: книга потерь. Новейшее справочное издание. М., 2010, с. 320.

¹³³ *Гальдер Ф.* Военный дневник (июнь 1941 – сентябрь 1942). Владимир – М., 2010, с. 224.

ка украинцев из плена¹³⁴ вплоть до 13 ноября 1941 г., когда дальнейшее действие этого приказа было приостановлено применительно к украинцам и белорусам¹³⁵.

Как можно увидеть из вышеприведенных примеров, решение об отпуске было вызвано насущными потребностями в освоении и использовании экономического потенциала оккупированных территорий и в некотором смысле было спонтанным, поскольку подобные мероприятия совершенно не предусматривались предвоенными планами. В связи с этими изменениями в нацистской политике можно говорить об импровизации и поиске оптимальных решений в условиях, когда выполнение планов по эксплуатации сельского хозяйства СССР натолкнулось на многочисленные трудности, но реальностью стало использование в качестве рабочей силы огромного числа советских пленных соответствующих национальностей.

Объем работы, ложившийся на плечи комендантов лагерей, привел к тому, что процесс отпуска был фактически пущен на самотек. А в штабных документах советского Юго-Западного фронта зафиксированы случаи, когда небольшие партии пленных отпускались непосредственно в зоне боевых действий. Так, по сообщению штаба 26-й армии, после боя в конце июля 1941 г. немцы захватили 350–400 пленных, при этом одного лейтенанта сожгли, комиссара расстреляли, а красноармейцев распустили по домам¹³⁶. В документах оперативного отдела фронта от 22 сентября зафиксировано, что в Лохвице и Миргороде содержится до 8 тыс. пленных. Часть пленных немцы отпускают по домам¹³⁷. В штабе Южного фронта 28 сентября 1941 г. отмечали, что в селе Терновка было отпущено 165 пленных красноармейцев, а за день до этого расстреляны все командиры¹³⁸.

Как проходил процесс отпуска пленных из лагеря подробно описал бывший узник кировоградского лагеря М.В. Михалков: «Местным жителям выдавались документы – аусвайсы, но, чтобы получить такой документ, надо было пройти особый “экзамен”. Заключение вводили в один из специально оборудованных барачков. Посредине стоял стол, накрытый черным сукном. На стене висел портрет Гитлера. За этим длинным столом сидели старосты, назначенные фашистами. Старосты были из местных жителей-украинцев и хорошо знали свой район. В стороне, за небольшим столом сидели холеные немецкие офицеры и переводчик. Входил заключенный, называл свое место жительства. Старосты начинали утомительный опрос: “А из какого села? Есть ли рядом речка? На какой стороне улицы ты жил? В каком доме? Скажи фамилию председателя колхоза, где ты до войны работал? Была ли тогда рядом с селом МТС, и если была, то, сколько в ней было тракторов и каких марок?..” Если заключенный не врал и его ответы удовлетворяли старосту, его отпускали на волю, выдавали аусвайс. Допрос немцы и старосты вели очень строгий, перекрестный, докапывались до истины, им было важно не выпустить из лагеря ни одного русского»¹³⁹. По свидетельству другого пленного, в лагере г. Кировограда всячески “рекламировали, что украинцев отпускают домой, даже вывесили на столбах об этом объявление: такой-то области отпускаются тогда-то”. Между тем на деле случаи отпуска домой были единичными, и в большинстве своем пленные направлялись на работу в колхозы¹⁴⁰.

¹³⁴ Параграф № II “Распоряжения об обращении с советскими военнопленными” ОКВ от 8 сентября 1941 г. – ГАРФ, ф. Р-7021, оп. 148, д. 432, л. 12–13; Директива ОКВ от 14 октября 1941 г. – РГВА, ф. 500, оп. 1, д. 749, л. 12–14; Об этом также говорилось в указе имперского министра труда от 27 октября 1941 г. – ГАРФ, ф. Р-7021, оп. 148, д. 84, л. 26.

¹³⁵ Распоряжение ОКВ № 3900. См.: Великая Отечественная..., с. 320; *Overmans R.* Op. cit., S. 806; *Pfahlmann H.* *Fremdarbeiter und Kriegsgefangene in der deutschen Kriegswirtschaft 1939–1945.* Darmstadt, 1968, S. 58.

¹³⁶ ЦАМО РФ, ф. 229, оп. 161, д. 112, л. 232; ф. 251, оп. 646, д. 20, л. 10.

¹³⁷ Там же, ф. 251, оп. 646, д. 38, л. 250, 277.

¹³⁸ ЦДАГОУ, ф. 62, оп. 9, спр. 4, арк. 99.

¹³⁹ *Михалков С.В., Михалков М.В.* Два брата – две судьбы. Мемуары. М., 2005, с. 174.

¹⁴⁰ ЦДАГОУ, ф. 166, оп. 3, спр. 243, арк. 66.

Согласно данным, добытым советским агентом (начиная с 19 августа 1941 г. он в течение 25 дней находился в тылу вермахта и прифронтовой полосе), в этот период из плена отпускались украинцы, жившие на правом берегу Днепра (за 50 км от линии фронта), а русские и украинцы с левого берега Днепра, направлялись в сторону Винницы¹⁴¹. Объяснением этому может служить то обстоятельство, что к тому времени под немецкой оккупацией оказались только Правобережная и часть Центральной Украины.

На то, что отпускали далеко не всех украинцев, указывали в своих показаниях и другие пленные. По воспоминаниям женщины-военнопленной С.И. Кузенко, когда немцы выпускали из лагеря, они выдавали документы в виде длинной заполненной анкеты на украинском и немецком языках. Но это делалось только для проформы, поскольку и с этими документами многие красноармейцы были расстреляны. В первую очередь эту анкету получали те украинцы, которые были выходцами из оккупированных немецкими войсками областей Украины¹⁴².

В сводках и докладных записках Политуправления Южного фронта неоднократно указывалось, что отдельных пленных немцы отпускают домой, но делают это либо с целью агитации, либо для того, чтобы в селах была рабочая сила для сельскохозяйственных работ¹⁴³. По советским агентурным данным, в сентябре – начале октября 1941 г. пленных красноармейцев отпускали по домам только по выбору (в пропорции 10 из 100), выдавая им специальные пропуска с задачей агитировать по селам за немцев, создавая у местного крестьянства впечатление об их гуманном обращении с пленными. На самом же деле основная масса пленных содержалась в лагерях и использовалась на различных работах¹⁴⁴. Советская сторона видела главную причину отпуска узников в кризисе оккупационного режима, вынудившего нацистов прибегнуть к всевозможным популистским мерам, чтобы задобрить гражданское население.

Были ли приведенные случаи характерными для 1941 г.? Насколько тщательно проверяли всех желавших получить возможность покинуть пределы лагеря? Какой принцип лежал в основе процедуры отпуска пленных? Документы фиксируют самые разнообразные ситуации, в том числе и такие, когда пленные, на которых не распространялось право на освобождение, выдавали себя за представителей других национальностей, идя на различные хитрости. Чаше всего это были русские, выдававшие себя за украинцев. Этому очень часто способствовало наличие в плену сослуживцев – этнических украинцев, помогавших им выдать себя за таковых. Например, после сдачи в немецкий плен в конце сентября 1941 г., старший сержант Михаил Буланов был помещен в Дарницкий лагерь, где встретился с бывшим шофером штаба его дивизии Петром Гудзенко, от которого узнал, что всех украинцев отпускают по домам. По его совету Буланов выдал себя за украинца, пострадавшего от советской власти, жителя Киева, и на третий день своего пребывания в лагере был освобожден с обязательством зарегистрироваться в городской комендатуре и на бирже труда, что им и было сделано¹⁴⁵.

Иногда выйти из лагеря удавалось благодаря собственной находчивости. Так, рядовой Красной Армии Петр Загудаев – этнический русский, уроженец Сталинградской

¹⁴¹ Материал о положении в оккупированных областях УССР Особого отдела НКВД Южного фронта от 18 сентября 1941 г. – ЦДАГОУ, ф. 62, оп. 9, спр. 4, арк. 11.

¹⁴² Стенограмма беседы с С.И. Кузенко, научного сотрудника Комиссии по истории Отечественной войны в Украине от 29 октября 1946 г. – ЦДАГОУ, ф. 166, оп. 3, спр. 244, арк. 57.

¹⁴³ Сводка о формах пропагандистской работы немецких войск в оккупированных ими районах от 22 марта 1942 г. (данные за 1941 г.). – ЦДАГОУ, ф. 1, оп. 22, спр. 873, арк. 44; Сводка № 1, копия послана в ЦК КП(б)У 22 марта 1942 г. (данные за 1941 г.). – ЦДАГОУ, ф. 62, оп. 9, спр. 2, арк. 80; Докладная записка от 25 декабря 1941 г. – Там же, спр. 3, арк. 51.

¹⁴⁴ Агентурные данные о положении в немецком тылу от 20 октября 1941 г. – ЦДАГОУ, ф. 62, оп. 9, спр. 4, арк. 95.

¹⁴⁵ Протоколы допросов М.П. Буланова от 24 и 27 августа, 1 сентября, 14 ноября 1943 г. – USHMM, RG 06.025*64, F. 1–8, N-16707, T. 2.

области, в августе 1941 г. под Киевом попал в плен. В плену он изменил свою фамилию на Загудая и назвался украинцем. Как украинца его отпустили из плена домой¹⁴⁶.

Судьба другого пленного, Леонида Высочанского, сложилась несколько иным образом: при попытке выхода из киевского окружения 28 сентября 1941 г. он был ранен и попал в плен. Он успел уничтожить свой партийный билет и удостоверение сотрудника райкома компартии. Находясь в лагере, ему удалось через местную жительницу передать записку своей сестре, которая в свою очередь смогла достать необходимую справку о том, что ее брат, находящийся в немецком плену – украинец и беспартийный. На этом основании в ноябре 1941 г. ему удалось выйти из плена¹⁴⁷.

В некоторых, как правило, очень редких случаях, отпускали и русских, но при условии, если они проживали до войны на территории Украины. В качестве примера можно привести судьбу пленного Ивана Хохлова, который попал в плен в августе 1941 г. и был направлен в лагерь военнопленных в Виннице, где им был получен документ, позволивший ему работать в селе Перегонка в общинном немецком хозяйстве чернорабочим¹⁴⁸. В другом лагере, который располагался в селе Варваровка Николаевской области, были отпущены домой все жители ближайших районов и областей (Херсон, Николаев, Одесса), а другие (в основном из России) попали в команды, отправленные в колхозы убирать еще оставшийся в поле урожай¹⁴⁹.

Коменданты на местах начали отпускать красноармейцев, попавших в плен рядом с местами их проживания или если за ними приходили их жены или близкие родственники. В некоторых лагерях местным жителям украинцам было официально объявлено о разрешении приходить в лагерь и опознавать своих мужей, сыновей и пр. Но только после того, как староста села подтвердит, что пленный действительно является жителем их села, последнего выпускали из лагеря домой¹⁵⁰. А по свидетельству другого бывшего пленного, 8 октября 1941 г. в лагере “Хорольская яма” процедура отпуска была еще более упрощена по личной инициативе коменданта и выглядела следующим образом: “Там просто объявляли: кто из Хоролы – становись”. После короткого допроса жители окружающих сел и районов получали справку, позволявшую им выйти в город и получить порцию хлеба. На тот момент в лагере уже находилось около 62 тыс. чел., и поэтому было принято решение о его “разгрузке”¹⁵¹.

Случалось и так, что благодаря удачному стечению обстоятельств удавалось выбраться из лагеря даже пленным евреям. Так, например, Соломон Каневский, не только еврей, но и член ВКП(б), оказавшись в Дарницком лагере в бараке для раненых, выдал себя за украинца по фамилии Пысаренко – сельского учителя с правого берега Днепра из Черкасского района, мобилизованного на рытье окопов. Однако для этого были все необходимые предпосылки, позволившие ему успешно выдавать себя за представителя украинской национальности: владение устным и письменным украинским языком, соответствующий говор, знание украинской литературы и сельского быта, но самое главное – внешностью он не был похож на еврея. Оказавшись 19 октября 1941 г. в центральном лагере на ул. Керосинной Киева, он узнал, что киевлян, даже без наличия какого-либо документа распускают по домам. Поэтому Каневский решился присоединиться к тысячной колонне раненых украинцев, которые проходили процедуру проверки. Уже на следующее утро он получил пропуск на выход из лагеря, который давал

¹⁴⁶ Протокол допроса свидетеля от 7 апреля 1975 г. следователями КГБ по поручению Прокуратуры СССР в связи с обращением о правовой помощи Прокуратуры ГДР. – USHMM, RG 14.068*35, Microfiche 27. 00095–00096.

¹⁴⁷ Стенограмма беседы от 15 июня 1944 г. – ЦДАГОУ, ф. 1, оп. 22, спр. 349, арк. 238–239.

¹⁴⁸ Протокол допроса от 9 мая 1944 г. – ГАРФ, ф. Р-7021, оп. 64, д. 813, л. 26.

¹⁴⁹ *Котляр Л.И.* Указ. соч., с. 37.

¹⁵⁰ ЦДАГОУ, ф. 1, оп. 22, спр. 873, арк. 109.

¹⁵¹ Стенограмма беседы с М.Т. Джагаркавой от 12 мая 1944 г. – ЦДАГОУ, ф. 1, оп. 22, спр. 355, арк. 7–8.

право двигаться по правой стороне Днепра¹⁵². Сведения о том, что жителей Киева в массовом порядке выпускали из Дарницкого лагеря, и некоторых других лагерей, находившихся неподалеку, подтверждаются показаниями и других военнопленных¹⁵³. Пик пришелся на период с 5 по 15 октября 1941 г., когда было отпущено множество советских солдат, попавших в плен в киевском “котле”. В общем потоке пленных удалось выйти даже некоторым руководящим работникам КП(б)У, сумевшим скрыть свою должность и партийную принадлежность. Многие из них впоследствии составили ядро киевского коммунистического подполья¹⁵⁴.

Как правило, пленных отпускали не одновременно, а группами, иногда доходившими до 1–2 тыс. чел., которые формировались по принципу места проживания или будущей работы. О размахе политики отпуска в масштабе целого лагеря говорит пример лагеря № 360 в Луцке, в котором находилось порядка 14 тыс. пленных. В октябре 1941 г. было отобрано и выпущено 3400 украинцев или выдавших себя за таковых¹⁵⁵. За весь период лета – осени 1941 г. в зоне действий группы армий “Юг” было освобождено 235 466 человек из 280 108 советских пленных, освобожденных немецкими военными на всей оккупированной территории СССР¹⁵⁶, по другим данным – из 318 770 (в общем числе освобожденных находилось 277 761 украинцев)¹⁵⁷. Еще одни подсчеты дают цифру в 270 тыс. отпущенных пленных до конца 1941 г., без указания, сколько из них приходится на территорию Украины¹⁵⁸. В новом распоряжении ОКХ об отпуске представителей различных национальных меньшинств от 19 ноября 1941 г. – 1) туркестанцы, 2) кавказцы, 3) финны, 4) карелы, 5) ингерманландцы, 6) казаки, – украинцы более не значились¹⁵⁹.

Наибольшее значение в контексте обозначенной темы представляет вопрос о мотивах немецкого командования в принятии решения о сворачивании политики отпуска пленных из лагерей. Логично предположить, что оно было напрямую связано с другим, не менее важным решением, принятым Гитлером накануне. Речь идет о снятии запрета на использование труда советских пленных в немецкой военной промышленности¹⁶⁰, которое привело к появлению приказа от 31 октября 1941 г., подписанного начальником ОКВ Кейтелем¹⁶¹. Ввиду краха блицкрига Германии требовалось немало бесплатной рабочей силы для широкого использования в экономике рейха. А для этого необходимо было сконцентрировать максимально возможное число трудоспособных пленных в лагерях для последующей отправки в Германию. Это подтверждается циркуляром Кейтеля, предназначавшимся всем отделам рейхскомиссариата Украины от 24 декабря 1941 г. о необходимости освобождения немцев от работы в военной промышленности для использования их в качестве солдат на фронте, заменив их на предприятиях военнопленными. В нем излагались пункты приказа

¹⁵² Объяснительная записка в ЦК КП(б)У от 19 ноября 1943 г. – ЦДАГОУ, ф. 1, оп. 22, спр. 320, арк. 71–72.

¹⁵³ Информация (автобиографические данные) бывшего военнопленного и участника Киевского подполья Венедиктова от 19 декабря 1943 г. – ЦДАГОУ, ф. 1, оп. 22, спр. 336, арк. 63.

¹⁵⁴ Отчет о работе за время пребывания на территории оккупированной немцами с 19 сентября 1941 г. по 11 февраля 1943 г. В.П. Садовниченко в ЦК КП(б)У. – ЦДАГОУ, ф. 1, оп. 22, спр. 340, арк. 6 зв. Стенограмма беседы с А.А. Артюшенко от 24 августа 1944 г. – Там же, спр. 349, арк. 50–51.

¹⁵⁵ Акт № 1 комиссии г. Луцка по расследованию зверств и вскрытию могил убитых немецкими оккупантами от 16 февраля 1944 г. – ГАРФ, ф. Р-7021, оп. 55, д. 7, л. 6, 49.

¹⁵⁶ *Lower W.* Op. cit., p. 65.

¹⁵⁷ Великая Отечественная..., с. 320–321.

¹⁵⁸ *Pohl D.* Op. cit., S. 217.

¹⁵⁹ ГАРФ, ф. Р-7021, оп. 148, д. 84, л. 28.

¹⁶⁰ 30 марта 1941 г. Гитлер заявил, что запрещает перевозить советских военнопленных на территорию рейха, ибо, по его мнению, их использование в качестве рабочей силы представляет опасность ввиду политического влияния коммунистов, от которого он уже избавил германский промышленный рабочий класс, а также из-за угрозы саботажа. – *Кейтель В.* Указ. соч., с. 287–288.

¹⁶¹ Подробнее см. *Streit C.* Op. cit., S. 191–216.

Гитлера от 31 октября. Во втором пункте говорилось, что все учреждения, ответственные за содержание военнопленных, должны приложить максимум усилий, чтобы доставить в Германию как можно больше в распоряжение уполномоченного по выполнению четырехлетнего плана, т.е. Геринга¹⁶². Не случайно последний специально оговаривал: “Украинцы не пользуются особыми привилегиями, фюрер приказал, чтобы пленных впредь не освобождать”¹⁶³. После этого отношение к ним сильно изменилось.

Новый подход в обращении с пленными солдатами вражеской армии лишний раз свидетельствует о готовности руководителей нацистского государства поступаться идеологическими принципами ради потребностей экономики. Впрочем, это еще подтверждает и то обстоятельство, насколько низкую ступень в нацистской этнорасовой иерархии занимали советские пленные в целом, если решение переложить все тяготы войны на их плечи при совершенно недостаточном рационе питания, нечеловеческих условиях содержания и, по сути, совершенно бесправном положении стоило им таких усилий и уступок принципам национал-социализма.

СУДЬБА ОТПУЩЕННЫХ ПЛЕННЫХ:

МАССОВЫЕ АРЕСТЫ ЗИМЫ – ВЕСНЫ 1942 г.

Последующие события показали, что принятое в ноябре решение не было бесповоротным. В зависимости от конкретной ситуации, отдельные, пусть и небольшие группы красноармейцев продолжали отпускаться из лагерей, хотя и не так массово, как осенью 1941 г. Особенностью данного процесса после 13 ноября было то, что в основном это касалось тех пленных, чье использование в системе принудительного труда на территории Германии, представлялось весьма маловероятным в силу их частичной или же полной неработоспособности. Речь идет о больных, инвалидах, а также людях старших возрастов. Неизменным оставалось лишь одно условие – и на этом этапе приоритет отдавался украинцам и представителям нацменьшинств. Учитывались также соображения безопасности тыла немецких войск. Освобождение физически здоровых солдат молодых возрастов, имевших определенный уровень военной подготовки, могло привести к пополнению рядов партизан и подпольщиков. К тому же поколение, появившееся на свет после Октябрьской революции, было, по мнению нацистских идеологов, настроено в большинстве своем антинемецки в отличие от людей, имевших жизненный опыт в дореволюционный период. На одном из совещаний в Общем управлении ОКВ генерал Райнеке прямо указывал, что на фронте сейчас главным образом солдаты, родившиеся в 1918 г. и позже, т.е. выросшие при большевизме и воспитанные в его духе, а поэтому они представляют особую опасность для немецких войск¹⁶⁴.

Изменения, происшедшие с ноября 1941 г., характеризует ситуация в Днепропетровске. По состоянию на 1 марта 1942 г., в здании городской тюрьмы содержалось около 7 тыс. советских солдат. Пленных в возрасте старше 45 лет (и к тому же больных) стали отпускать домой, если их местожительство находилось на оккупированной территории. Комендатура через врачей отбирала здоровых молодых людей и отправляла их в Германию для работы на заводах. Существовал и нелегальный способ выйти из лагеря – среди охраны, состоявшей из австрийцев, венгров, и пленных, вступивших в националистическую организацию “Вільне козацтво”, было развито взяточничество. Так, за взятку в 500 руб. у надзирателя можно было получить освобождение из плена,

¹⁶² Центральний державний архів вищих органів влади та управління України, ф. 3206, оп. 1, спр. 102, арк. 2–3.

¹⁶³ Обсуждение вопроса об использовании советской рабочей силы от 7 ноября 1941 г. – ГАРФ, ф. Р-7021, оп. 148, д. 200, л. 3.

¹⁶⁴ Выдержки из доклада на совещании 1 августа 1941 г. – ГАРФ, ф. Р-7021, оп. 148, д. 160, л. 2.

чем и воспользовались некоторые узники, нередко при активной помощи горожан¹⁶⁵. В Виннице зимой 1941–1942 гг. выздоравливающие пленные украинцы также небольшими группами продолжали выпускаться из военного госпиталя из-за нехватки в селах рабочих рук. Однако в связи с развитием партизанского движения примерно с февраля 1942 г. немцы стали отпускать из плена только нетрудоспособных калек, а также умирающих¹⁶⁶.

Все отпущенные военнопленные обязаны были постоянно иметь при себе выданное в лагере “Удостоверение об освобождении” и предъявлять его по требованию любого немецкого солдата или офицера независимо от звания и должности. Главные требования к освобожденным красноармейцам формулировались следующим образом: несовершение ими враждебных действий против вермахта, его союзников и дружественных народов; кратчайший путь домой и регистрация в течение восьми дней в ближайшей немецкой комендатуре; изменение места проживания только с разрешения немецких властей; сдача при регистрации всего имеющегося красноармейского обмундирования¹⁶⁷.

Необходимо также учитывать и такое обстоятельство: в большинстве своем военнопленные, выпускавшиеся из лагерей, были настолько истощены, что многие из них умирали по дороге к месту работы или домой. По словам одной из работниц организованной в Западной Украине Женской службы Украины для организации помощи военнопленным, эти люди были как “живые трупы”. Им приходилось пешком идти к своим домам. Большинство при этом болело тифом, что стало причиной возникновения эпидемии в селах Галиции. Во Львове было организовано “переходное общежитие”, где пленные могли поесть и отдохнуть. Местные крестьяне помогали перевозить пленных, многие из которых настолько ослабели, что попросту не могли идти. Вид пленных был ужасен и произвел тягостное впечатление на местное население¹⁶⁸. Сходная ситуация наблюдалась повсюду на Украине, однако большинство тяжелобольных так и не смогли добраться домой, погибнув в пути или местах ночлега¹⁶⁹.

Те военнопленные, кому всё же посчастливилось добраться домой или же найти работу в колхозе или в частном хозяйстве, обязаны были немедленно зарегистрироваться у коменданта. Это правило распространялось и на всех попавших в окружение солдат. Лицам, служившим в Красной Армии, предписывалось ношение на рукаве специальной повязки, на которую наносились буквы SU. Передвижение с одного населенного пункта в другой без соответствующего пропуска не разрешалось. Лица, нарушившие этот приказ, подлежали расстрелу или повешению. Точно также поступали с населением, дававшим пищу и ночлег указанным лицам¹⁷⁰.

Местные органы власти позаботились и об издании соответствующих указаний, которые доводились до сведения населения. К примеру, в приказе № 7 коменданта полиции Шпиковского повета Винницкой области от 13 августа 1941 г. предписывалось

¹⁶⁵ Разведсводка о положении в оккупированном противником г. Днепропетровске на имя секретаря ЦК КП(б)У Н.С. Хрущёва. – ЦДАГОУ, ф. 1, оп. 23, спр. 124, арк. 78.

¹⁶⁶ Заявление М.М. Щавинского на имя председателя ЧГК. – ГАРФ, ф. Р-7021, оп. 54, д. 1341, л. 194–195.

¹⁶⁷ Flugblätter aus Deutschland 1941: Bibliographie, Katalog. Flugblatt-Propaganda im 2. Weltkrieg Europa, Bd. 10. Erlangen, 1987, S. 160.

¹⁶⁸ Стенограмма воспоминаний А.С. Бойовской от 15 сентября 1944 г. – ЦДАГОУ, ф. 166, оп. 3, спр. 243, арк. 49–50; спр. 247, арк. 1–2; Доклад Духовной Консistorии Кременецкому горкому партии о зверствах нацистов в г. Кременце от 27 марта 1944 г. – Там же, ф. 1, оп. 23, спр. 3852, арк. 23в.

¹⁶⁹ ЦДАГОУ, ф. 166, оп. 2, спр. 262, арк. 12–13; USHMM, RG-06.025, Reel 14, H-19091, v. 11.

¹⁷⁰ Конспект инструктивных бесед для подпольных партработников об обстановке на оккупированной немцами территории Украины в 1941–1942 гг. – ЦДАГОУ, ф. 1, оп. 22, спр. 69, арк. 16; Информация о положении на оккупированной территории. – Там же, спр. 123, арк. 79–80, 101–102.

всем возвращающимся из плена в обязательном порядке явиться в комендатуру для регистрации. Граждан, у которых проживали отпущенные пленные, обязывали составлять подписку коменданту об ответственности за их действия, а в случае “нечестного поведения” следовало немедленно донести коменданту¹⁷¹.

Немецкая администрация издала специальные “Наставления” и “Инструкции” для старост, чтобы исключить всякую возможность непонимания с их стороны основных принципов оккупационного режима. В них особо указывалось, что все без исключения “блуждающие” красноармейцы, должны немедленно задерживаться старостами и передаваться ближайшему немецкому учреждению, после чего самовольный выход солдат из населенных пунктов без документов, выданных германскими властями, строго запрещался. Каждый дававший приют или убежище лицам из состава Красной Армии должен был подвергнуться смертной казни¹⁷².

В ряде областей Украины уже с января 1942 г. ситуация стала быстро меняться. В одном из районов Запорожской области были арестованы проживавшие по селам пленные красноармейцы силами районной жандармерии, некоторых из них за неимением документов расстреляли на месте. Вторая волна арестов пришлось на март 1942 г.¹⁷³

По различным районам Сталинской области массовые облавы прокатились в феврале 1942 г. Всех бывших военнослужащих, в том числе пленных, после повторной регистрации отправили в лагеря военнопленных¹⁷⁴. Еще в январе 1942 г. командир действовавшего на территории области 50-го полка 111-й дивизии 17-й немецкой армии К.-Р. Репке получил через командира дивизии приказ штаба армии о создании специальных отрядов по ведению борьбы с советскими партизанами и лицами, связанными с ними, путем проведения массовых облав и арестов всех подозрительных лиц. Совместно с военными комендатурами были арестованы десятки советских пленных¹⁷⁵.

В том же феврале 1942 г. в районе Киева гестаповцы в ходе антипартизанских акций проводили зачистки на дорогах, расстреливая каждого встречного без соответствующих документов. В связи с ростом партизанского движения после начала контрнаступления Красной Армии под Москвой стали проводиться ежедневные облавы по близлежащим населенным пунктам. Одновременно в газетах напечатали запрет властей хозяевам дома или квартир принимать на ночлег посторонних, и в том числе пленных. Кроме того, запрещалось не только оказывать им какую-либо помощь, но и вменялось в обязанность направлять их всех немедленно в органы полиции или сообщать любому немецкому солдату или полицая. Всех нарушителей этого приказа также ждал расстрел¹⁷⁶.

В апреле 1942 г. аресты пленных начались и в крупных городах. Так, по Мелитополью был издан приказ, чтобы все военнопленные явились на регистрацию по месту назначения, если кто жил непосредственно в самом городе, то в фельдкомендатуру. Часть тех, кто не имел никаких документов, расстреляли на месте, а часть была задержана. Вся эта акция увязывалась с угоном гражданского населения в Германию¹⁷⁷. И это не было случайным совпадением. Именно в апреле 1942 г. генеральный уполномоченный по использованию рабочей силы Ф. Заукель сформулировал и привел в

¹⁷¹ Державний архів Вінницької області, ф. Р-1417, оп. 3с., спр. 1, арк. 26, 31.

¹⁷² ГАРФ, ф. Р-7021, оп. 148, д. 273, л. 3; ЦДАГОУ, ф. 1, оп. 22, спр. 863, арк. 165зв.

¹⁷³ Акт ЧГК по Черниговскому району Запорожской области от 23 февраля 1944 г. – ГАРФ, ф. Р-7021, оп. 61, д. 27, л. 16–17.

¹⁷⁴ Докладная записка Особого отдела НКВД Южного фронта от 5 марта 1942 г. – ЦДАГОУ, ф. 62, оп. 9, спр. 4, арк. 79–80.

¹⁷⁵ USHMM, RG 06.025, Reel 12, H-19091, v. 1.

¹⁷⁶ Справка о пребывании в Киевском окружении и нахождении во временно оккупированной зоне в Киеве и Харькове. – ЦДАГОУ, ф. 1, оп. 22, спр. 336, арк. 127зв.

¹⁷⁷ Стенограмма воспоминаний Н.М. Харченко о событиях в Украине периода немецкой оккупации от 22 января 1946 г. – ЦДАГОУ, ф. 166, оп. 2, спр. 296, арк. 2; оп. 3, спр. 246, арк. 92.

действие план, лежавший в основе общей политики принудительной мобилизации советских людских резервов для рабского труда на германских предприятиях. Речь шла не только об интенсификации темпов вербовки квалифицированных работников, но и “полном использовании всех военнопленных”¹⁷⁸.

Таким образом, проводившаяся немецкими властями политика отпуска пленных на Украине прошла два этапа – до и после 13 ноября 1941 г. Главной отличительной чертой первого этапа было стремление оккупантов привлечь пленных ряда национальностей, главным образом украинцев, проживавших в довоенное время на оккупированных территориях, к работам в сельском хозяйстве. Второй этап характеризовался попыткой максимально задействовать всех трудоспособных пленных для работы в самой Германии на производстве. При этом отпуск пленных, пусть и в значительно меньших масштабах, все же продолжался. Но в связи с растущими экономическими потребностями промышленности Германии и ростом партизанского движения на оккупированных землях он ограничивался в основном теми, кто не мог быть задействован ни в одном из указанных случаев. С выходом из лагерей различные испытания, выпавшие на долю тысяч пленных, не закончились. Зима и весна 1942 г. принесла с собой новые изменения, приведшие к массовым арестам уже отпущенных красноармейцев и отправкой их в лагеря.

Говоря о периоде с лета 1941 по весну 1942 г., следует выделить три группы советских пленных: 1) имевшие привилегированный статус и право на получение документов об освобождении (хотя бы некоторое время); 2) лишенные всех прав и за редкими исключениями оставленные в лагерях; 3) подлежащие поголовному уничтожению. Мероприятия нацистов в сфере национальной политики проводились в соответствии с этнорасовой иерархией и соображениями политической и экономической целесообразности. И здесь хотелось бы сразу сделать оговорку. Не вызывает сомнения тот факт, что нацистское руководство в целом относилось к советским пленным как к людям, стоящим на самой нижней ступени этой иерархии по сравнению с военнопленными других государств. Подтверждением этому могут служить произвольные расстрелы красноармейцев частями вермахта и СС сразу же после их пленения на поле боя, чрезвычайно жестокое обращение с ними в ходе конвоирования и перевозки, совершенно непригодные для жизни условия размещения в лагерях для всех узников, вне зависимости от их национальной принадлежности, звания, должности и т.д. В целом советские пленные как контингент иностранных граждан считались “неполноценными” в расовом и культурном отношении и, кроме того, воспринимались нацистами не только как национальные, но и социальные враги, как солдаты, сражающиеся за враждебную коммунистическую систему. Лучшее отношение к украинцам, помимо идеологических соображений, было обусловлено еще и тем, что среди оккупантов было распространено представление, будто украинцы в отличие от русских отказались воевать, бросили оружие, а посему заслуживают некоторых послаблений¹⁷⁹.

Открытым остается вопрос и о том, кого нацисты считали украинцами. Анализ воспоминаний бывших советских военнопленных говорит в пользу версии о том, что под украинцами зачастую подразумевались выходцы с территории Западной Украины, а не представители украинской национальности (в ее советском определении) в целом. Впрочем, это могло быть связано и с тем, что до определенного времени в руках гитлеровцев находилась только Правобережная Украина, и потому отпуск из плена выходцев с Левобережной Украины, занятой в то время советскими частями, мог представлять угрозу тылу немецкой армии. Этот вопрос требует специального исследования. Судя по некоторым документам, нацисты очень четко разделяли всех украинцев на две противоположные ветви, давая им принципиально разные характеристики. К примеру, в одном из донесений РСХА зафиксирована такая оценка: “Вос-

¹⁷⁸ СС в действии. Документы о преступлениях СС. М., 2000, с. 518–519.

¹⁷⁹ Спецсообщение от 16 декабря 1941 г. – ЦДАГОУ, ф. 1, оп. 22, спр. 118, арк. 105.

точные украинцы очень терпимы в национальных вопросах. Западные же украинцы, лишь за небольшим исключением, являются выразителями крайних взглядов”¹⁸⁰.

Необходимо также подчеркнуть, что изменения и колебания в проведении национальной политики фактически никак не отразились на еврейском вопросе. Антисемитская составляющая нацистской политики не претерпела существенных изменений и повсеместно была направлена на поиск и поголовное истребление всех без исключения военнопленных-евреев.

Нет полной ясности в вопросе использования “политически благонадежных” пленных определенных национальностей в “полицейских целях безопасности”, так же как и проблема привлечения к сотрудничеству немцев-фольксдойче по выявлению “нежелательных элементов”, их участие в проведении массовых арестов, причастность к экзекуциям и т.д.

Требуется дальнейшего изучения также вопрос об отношении к советским военнопленным-цыганам. В ходе проведенного исследования не было выявлено ни одного документа, позволяющего хотя бы приблизительно определить отношение нацистов к данной группе пленных, за исключением одного уже упомянутого нами случая. Учитывая то обстоятельство, что многие оседлые цыгане интенсивно интегрировались в советское общество, ассимилировались с местным населением и внешне нередко походили на жителей юга и юго-запада Украины, то, скорее всего, их участь определялась общим отношением к украинцам этого региона республики. Но это лишь предположение, и требуется введение в научный оборот новых источников¹⁸¹.

Необходимо отметить также особенности использованной источниковой базы по данной теме. Свидетельства самих пленных представляют собой весьма специфическую выборку несмотря на ее размер, ведь речь, как правило, идет о тех, кому всё же удалось выйти из лагерей. Те же, кому не посчастливилось оказаться на свободе, в основном не оставили вообще никаких свидетельств, в большинстве своем они погибли в лагерях. Воспоминаний тех пленных, которые не были отпущены из лагеря, но смогли пройти все этапы лагерной жизни до момента своего освобождения, имеется крайне мало.

В перспективе определенный интерес для современной историографии может представлять рассмотрение нацистской национальной политики, составной частью которой было дифференцированное отношение к советским пленным различных рас и национальностей в сравнении с другими аналогичными моделями. В качестве одного из вариантов можно предложить сравнительный анализ нацистского оккупационного режима в СССР и японского в Китае, подходов к обращению с советскими и китайскими военнопленными. Не исключено, что в процессе обнаружится значительно больше сходства, нежели различий, поскольку и в том, и в другом случае речь идет о военнослужащих армий многонациональных государств, оказавшихся в плену у государств, проводивших имперскую экспансию с опорой на принцип “разделяй и властвуй”.

¹⁸⁰ Донесение о положении дел в СССР № 164 от 4 февраля 1942. – USHMM, RG 06.025*39, F. 2307.

¹⁸¹ О военнослужащих-цыганах в годы войны см. *Бессонов Н.* Цыганская трагедия 1941–1945. Факты, документы, воспоминания, т. 2. СПб., 2010.